

Вокруг Света

34-35

В ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Очерк Стэм.

...Наклонная к горизонту поверхность дает прибору подъем. Вращающийся винт создает перемещение. Легкий двигатель, паровая машина или взрывчатый мотор, работающий от взрывов смеси газа и воздуха, могут служить источником энергии. Хвост для устойчивости, возможность перемещения, центра давления и автоматическая регулировка устойчивого положения — вот главное, что нужно в аппарате... Это писал в 1809 году англичанин Кайлей, давая в общих чертах изумительно точный тип летательной машины тяжелее воздуха, которой можно управлять. Опыты Кайлея, так же как опыты его последователя Герсона в 1842 году, потерпели неудачу.

До 1890 года люди могли, в сущности, только парить в воздухе (на планерах). В 1890 году Хайрем Максим построил в Англии громоздкий аэроплан, свыше 15 саженей ширины и 5 саженей высоты. На самолете была паровая машина. Аэроплан при первой пробе дал разгон с рельс и сломался.

Но люди все же стремились уйти от земли в воздух. Неудача за неудачей сопутствовали этим попыткам. Ланглей, Гофман, Кресс, Адер — вот имена неудачников, пионеров третьего измерения. Русский ученый К. Циолковский в 1895 году выпустил большой и серьезный труд об аэроплане. Предложения его были затерты царским правительством.

Впервые человек поднялся в третье измерение на управляемом аппарате тяжелее воздуха только в 1908 году (официально). Это были американцы — братья Вильбур и Орвилл Райт.

С детства — писали они — у нас проявлялся интерес к воздухоплаванию. Будучи детьми, они заинтересовались летящей игрушкой "геликоптером" и строили сами такие геликоптеры. После гибели Лиллиенталя, разбившегося вместе со своим планером, они серьезно занялись изучением авиации.

С 1900 до 1903 года братья Райт совершили свыше 1000 полетов на планерах, видоизменяя и совершенствуя этот аппарат, придавая ему рули поворотов и глубины, перекашивание крыльев для устойчивости и т. д. Зимой 1903 года братья сделали первый аэроплан с двигателем своей конструкции. Небольшие полеты на этой машине, по тому времени, были удачны. В 1904 году застал братьев в небольшой долине около Дайтона, где, окруженные таинственностью, братья продолжают свои опыты. Никто не знал, чем за-

няты братья Райт. Даже вездесущие и всезнающие американские репортеры были бессильны проникнуть в тайну. Когда все было готово, братья Райт оповестили прессу.

Вот как они описывают свой первый публичный полет в этой уединенной местности.

...Когда аппарат был готов, все газеты Дайтона были извещены о предстоящих опытах, и к нам прибыло около десятка представителей печати. Мы просили только о том, чтобы не делались никакие снимки и не писались сенсационные отчеты, чтобы не привлечь на место опытов толпы народа. Собралось 50 человек... Мотор отказался работать удовлетворительно. Машина, не успев почти подняться над землей, продолжала скользить по поднимаясь... Несколько репортеров пришли на следующий день... Мотор работал плохо, и аэроплан, проскользив 60 футов (19 метров), спустился на землю.

Чрезвычайно скромный опыт. Малоудачный. Но тогда даже такой опыт имел уже значение.

В сентябре 1904 года братья Райт могли летать на своем аппарате уже по кривым и ломанным линиям. Победа. Они поднимались в воздух и летали 20—30 минут. Это был рекорд. Скорость этих полетов была для современников колоссальной... 60 километров в час.

В 1907 году братья Райт предложили продать свое изобретение за 2 миллиона франков военному ведомству Франции. Началась торговля. Французам показалось это дорого. Райт обещали при пробном полете продержаться в воздухе один час. Но сделка не состоялась. Только через год один французский синдикат купил секрет Райтов за 500.000 франков. Один из братьев (старший) показал при пробном полете блестящие качества своей машины.

Это была историческая дата человечества. Человек доказал, что он может не только парить в воздухе (как на планерах), но и летать на управляемом аппарате тяжелее воздуха. Человек вырвал, наконец, у природы и жизни птичий секрет.

Аэроплан братьев Райт сделался родоначальником и прототипом для всех летательных машин. Целый год никто из авиаторов (кстати их было уже много) не мог побить рекорда Райтов. "Летающие братья" и их машина были непобедимы.

Самолет братьев Райт не имел специального управления для взлета и спуска. Обычно его приходилось раскатывать в тележке по одному рельсу,

длиной в 10 саженей. Это производилось так. С высоты пускали падать груз в 40 пудов, привязанный к канату, который посредством блоков был соединен с тележкой. Ускоряющееся падение груза заставляло тележку скользить по рельсу. Получив таким образом быстроту, нужную для взлета, аэроплан покидал тележку и как бы подпрыгивал в воздух. Для спуска аэроплана служили полозья. Машина с остановленным мотором падала на эти полозья и, проскользив по земле, останавливалась. Примитивно.

За братьями Райт начали строить машины своей системы Вуазен, Фарман, Блерио, Соммер, Лавассер, Куртис, Граде, Сантос-Дюмон, Этрих и Уэльс и т. д. Быстро сменялись типы машин, но принцип их оставался тот же, что был и у братьев Райт. Теперь двадцатиминутный полет кажется пустяком. Теперь аэроплан иногда летает в воздухе десятки часов, продвигаясь сложные фигурные полеты. Техника авиации идет вперед.

На Западе, в Европе внимание к авиации всегда было тесно связано с военными целями. Авиация, попав в руки капитализма, служит буржуазии орудием угнетения трудящихся. Воздушные бомбардировки деревень в Сирии, Китае, Африке французскими и английскими самолетами подтверждают "высокие достижения" техники европейской авиации. Рекорды спортсменов-авиаторов в Европе и в Америке устремлены главным образом для удовлетворения собственного эгоизма и тщеславия и материальных благ. Цели мирного строительства эти рекорды не преследуют.

В дореволюционный период русская авиация влачила, в сущности, жалкое существование. Воздушная почта, уже практиковавшаяся на Западе, была нам неизвестна. Русские авиаторы летали на иностранных машинах, старых, расхлябанных, и ставили "рекорды" на Коломязском аэродроме для удовлетворения любопытства буржуа и мещан Петербурга. Октябрь дал иные пути нашей отечественной авиации. В советских условиях наша авиация сделала в короткий срок гигантские шаги вперед и далеко обогнала европейскую авиацию.

Еще в 1923 году иностранцы, присутствуя на отчете наших самолетов из Москвы в Пекин, скептически посматривали на летное звено, состоящее из машин разных систем.

— Разве можно лететь на такое расстояние и на разных самолетах?

Иностранцы, бывшие на аэродроме, улыбались.

Но при первых же сообщениях Тасса о ходе перелета улыбки недоверия и насмешки стали сползать с их лиц. Иностранцы изумились. Они пожали плечами:

— Невозможно.

Но то, что им казалось невозможным, в наших условиях оказалось вполне возможным. Советские летчики на аппаратах разных систем прилетели в Пекин.

Звездные перелеты, когда машины приходили из разных пунктов точно по расписанию, вызвали не меньшее изумление. Ряд агитполетов на ближние и дальние маршруты блестяще прогандировали развитие авиации и разъяснили летное искусство десяткам тысяч рабочих и крестьян. Осваиваясь способствует в нашей стране укреплению мирных задач авиации. Наши самолеты исследуют неведомые места Арктики, окликают помощь полярным путешественникам. Имена Чухновского, Громова и Бабушкина вошли в историю международной авиации. Советские самолеты не раз спасали стада башкир и калмыков, застигнутые стужей в необъятных степях. Советские самолеты помогают сельскому хозяйству, уничтожая с воздуха химическими способами полевых вредителей.

Но это еще не все. Мы научились не только летать лучше чем летают на Западе, но и строить свои самолеты. Полеты "Крыльев Советов" и "Страны Советов" доказали и подтвердили это.

Царское правительство не могло и мечтать о таких колоссальных воздушных линиях, какие есть у нас в Союзе. Отдаленнейшие пункты страны, до которых месяцами надо было добираться на собаках, теперь связаны с центрами воздушными трассами. Не будем уже говорить о воздушной связи с Европой.

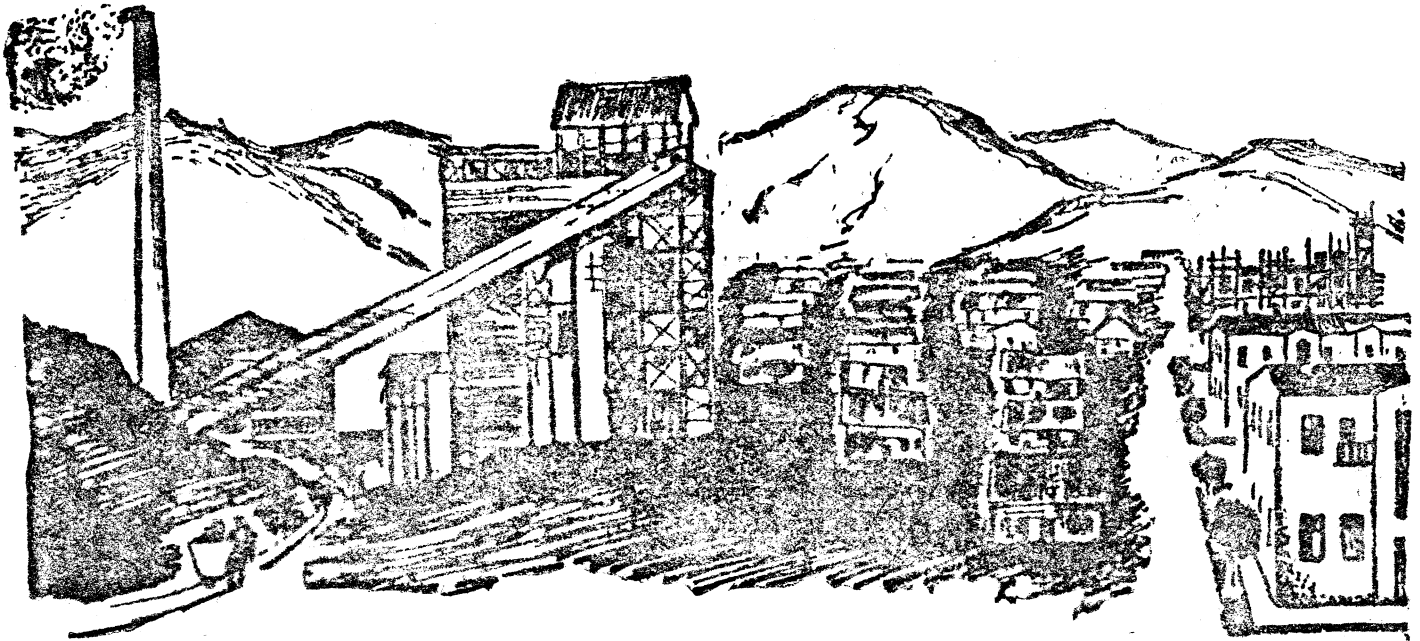
На ленинградском аэродроме иногда из самолетов появляются четвероногие пассажиры. Из-за границы на самолетах к нам доставляют зверей и животных. Гагенбек так посылал для наших зоосадов по воздуху леопардов и львов. И они прекрасно переносят путешествие.

В 1929 году советский ученый, изобретатель К. Э. Циолковский, предложил проект совершенно нового типа аэроплана, "сигарного". Осуществление этого проекта может открыть новую эру в авиации. Свободное развитие механического летания не имеет границ в наших условиях только потому, что мы неуклонно преследуем цели мирного строительства и производим совершенства конструкций именно для этой цели.

Вокруг Света № 34—35 10 декабря 1931 г.

ЖУРНАЛ СЮЖЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ, НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ПУТЕШЕСТВИЙ И ОТКРЫТИЙ
Орган ЦК и Ленобкома ВЛКСМ • Издательство „Молодая гвардия“.
Адрес редакции: Ленинград, пр. 25 Октября, 28.

С О Д Е Р Ж А Н И Е:
М. Морозова — Под землей. Б. Рейн — Тубинский горизонт. А. Беляев — Земля горит (продолжение). И. Эльвин — На газетных баррикадах. В. Орлов — Полярный рейс. И. Лизюков — Маховщина. О. Люин — Два равно восьми. Г. Пийет — Фашист Сарафи. Г. Венус — Один из многих. Обложка к очерку „Тубинский горизонт“ худож. Анкудинова.

ПОД ЗЕМЛЕЙ

М. Морозова

Рис. З. Медведевой

У станции Угольной широкая полоса Амурского залива оканчивается небольшим заливчиком Угловым.

Здесь морская вода теряет свой обычный зеленовато-голубой цвет: мутно-грязный заливчик кончается болотом. За болотом — долина шириной километров в 25. По краям долины — черно-синяя зубчатая кайма — остров.

Горные реки выносили в долину лес, песок, ил; время покрывало их пылью земли. Наступало море — на иле, на вынесенном лесу писало: оно свою историю. Отступало море — река снова начинала свою работу. Шли века, тысячелетия, в глубоких недрах долины они оставляли свой причудливый след.

В долине — Артемовские копи. Копи жмутся к восточной стороне долины.

С востока, из Уссурийского залива, наступают клубы густого серого тумана. Туман тяжелым одеялом лежит по ущельям, серой занавесой поднимается над Артемом и застывает. На западе спокойная синева неба преграждает путь. От завесы отрываются хлопья и белыми легкими облаками уплывают на запад.

Поезд останавливается на станции. Из вагонов вылезают группы завербованных на копи рабочих — татар, русских, китайцев и корейцев — и рассасываются по Артемовскому поселку. Поезд идет дальше между извилистых гор, к Сучану. Под землей на десятки и сотни метров от поверхности тянутся шахты.

Угольные вышки эстакады царят над поселком. Поселок растет, — ряд глиня-

ных землянок чередуется с новыми домами. Позади поднимается стройный ряд новых двухэтажных домов, рядом другие еще в лесах, — достраиваются.

С эстакады слышны далеко грохот ссыпающегося угля, сигналы, визг вагонетки и человеческая речь.

Ступени узкой лесенки на вышку основательно стертые, некоторые держатся только сознаньем, что нужной смены для них все же нет. В пролет над головой под самой крышей видны ряды густых перекладин. Эстакада вздрагивает от грохота угля.

Площадка, в середине — два люка, от них по рельсам быстро бегут вагонетки, порошние и с углем. В круглом барбене загнанные плотно вагонетки опрокидываются, уголь падает в широкое горло и вываливается прямо в вагоны.

Навстречу — девушка в грубой полотняной куртке, шталах, рукавицах и кепке.

— Вы шахтар? — спрашиваю.

— Нет! — улыбается она, — рукоятница. В шахте еще не была.

Она подробно объясняет свою обязанность — слушать сигналы из шахты, давать сигналы машинисту на стаянцию, спускать и поднимать лифт с вагонетками и регулировать рукояткой остановку поднимающейся и опускающейся вагонетки.

Выходит заучастком. Мы готовимся к спуску, ждем вагонетки. А пока он объясняет мне расположение угольных пластов.

Пласты тянутся в четыре ряда один над другим от западных гор к восточным. Толща пластов — от двух до пяти метров. Расстояние между ними — десять метров.

— Здесь пласты сближаются, даже сливаются в сплошной пласт, но дальше к востоку снова расщепляются. Стержень — шахта № 1. В области „Озерных ключей“ имеются три шахты; они сгруппировались недалеко друг от друга, дальше идут еще несколько артемовских шахт.

Звякнул звонок, поднимается вагонетка. Мы становимся на опустевшую площадку. Рукоятница дает сигнал — три звонка. Мы летим вниз во тьму. Сбоку промелькнул огонек, кусочек вагонетки, рельс — и все исчезло в черноте.

— Восьмая параллель! — кричит мне мой спутник, старший десятник Лаптев.

И вдруг я чувствую: мы летим обратно ввысь.

Обман. Спуск замедлился. Остановили медленно и плавно, — юная рукоятница работала хорошо.

Выходим. Светлый обширный коридор, выложенный выбеленными бревнами, с потолка свисает электрическая лампочка: беленые стены и потолок хорошо отражают свет. По середине коридора тянутся узкие рельсы.

Мы двинулись в глубь главного штрека. Поражает тишина. Только слышно где-то сбоку бульканье ручейка. Я останавливаюсь и освещаю лампочкой пол

штрека. Грязно-серый ручеек течет сбоку штрека.

Коридор кажется бесконечно-длинным. — Это западный уклон, он идет под линию железной дороги на глубине 350 метров.

Сбоку вдруг вынырнуло большое углубление.

— Забой, — сказал Лаптев. — Новая капитальная работа под третью шахту. Копается второй пласт. Отыриваем новое поле работ, пойдем метров на 200. Все поле — 350 метров, но 150 остается под отчуждение дороги, чтобы не случился провал. Полотно все лежит на залежах угля.

Забой! Мрачная черная пещера. Пласт угля, словно черная спрессованная смола, ровными острыми углами торчит из земли. Снебязимым чувством смотрю на эту черную глыбу. Точно спрессованные миллионы лет вдруг оказались вскрытыми.

Вспереди забоя — столбы, крепь; глубже крепь нет. В углу на коротышках копошатся двое людей, — забойщики закладывают динамит в угольный пласт.

Скоро взорвет.

Мы отходим вглубь штрека и ждем — Лаптев и забойщики равнодушно, а с жутким нетерпением.

Вдруг глухой гул — и небольшой фонтан угля вылетел из забоя. Дым клубами тянется в противоположную от нас сторону.

Я хочу вернуться к забою, но меня останавливают. Ждут еще взрыва.

Раздается последний удар. Мы возвращаемся. Половина забоя завалена углем. Груда кусков с черным матовым блеском — это все, что осталось от спрессованных тысячелетий.

— Тони 20 дадите, — определяет Лаптев груду угля.

— Пожалуй, — соглашаются забойщики.

Идем опять по тому же главному откатному штреку. От него идут боковые штреки. Людей встречаем мало. Рядом все льется и льется грязно-желтый ручей.

— Это работа весенней воды, — объясняет Лаптев. — От дождей вода просочилась вглубь, промыла породу и хлынула

в шахты. В одном месте сделали перегородку — задержать воду, но поток был силен, преграда рухнула. Сделали другую перемычку, — решились затопить один штрек, чтобы спасти другой. Воду удержали.

Мы уткнулись в деревянную перегородку. Здесь — исток воды. Она бурлила где-то внизу. Дерево перемычки перемешалось с кирпичом и не доходило до потолка. Сверху обвисли угрюмые куски угля и грозили обвалом.

— Загляните сюда, — подошел к отверстию Лаптев.

Поднятый фонарик осветил пространство за перемычкой. Я заглянула. Весь штрек, насколько охватила свет фонаря, занесен илом. На поверхности грязно-темного ила тинулись бороздки воды.

— Если бы не удалось перехватить воду здесь, затопило бы всю шахту. Этот штрек тянется в отчужденную полосу железной дороги. Мы сейчас под железным мостом. Помните, около кооперации. Совсем недалеко от железной дороги.

Я помнила, конечно. Это — бойкое, людное место. Там над нашими головами сейчас толпятся люди.

— Ну, теперь в конюшню.

Повернули куда-то вправо. Где-то вдали заблестели крохотные огоньки. Потом застучали копыта о деревянную настилку, и мы неожиданно очутились перед белой и ярко освещенной внутренностью конюшни. Пахло запахами сена, конского помета.

Ряды стойл; в первых четырех — сонные лошади. Удивленный конюх ответил на приветствие. Лошади повернули головы, насторожили уши, перестали жевать сено, осмотрели нас. Конюшня высокая, с деревянным полом, хорошо выбеленная и ярко освещенная. Успокоенные кони снова хрустко зажевывали сено. Здесь легче и даже как-то радостно. Радует хруст сена, нечаянный стук копыт и этот густой конюшенный запах.

Смотрю на лошадей. Как долго они находятся здесь? Вот тот вороной молодой конек всего только месяц, а гнедой три месяца, тот полтора года.

— Неужели их не выводят наверх?

— Выводят только на лечение. А так

живут здесь до отработки пласта, два-три года и больше.

— Вот на Сучане одна лошадь прожила в шахте 23 года, — невольно вспоминаются рассказы о челедах в шахтах лошадей.

— Вот в третьей шахте нет лошадей. Там все машины, — говорит конюх. — Конечно, и этим лошадям не придется жить здесь всю свою жизнь.

Выходим из конюшни. Мимо лошадей тянет вереницу пустых вагонеток. Двигаемся за ними. На ходу Лаптев рассказывает историю Артемовских коней. Кони существуют с 1914 г. Раньше они принадлежали местному богатому Скидельскому. С 1923 г. взяты государством. Теперь их не узнаешь. Раньше добыча угля не превышала 200 тысяч тонн в год, теперь доходит до миллиона. Прежде — шахтенки, теперь — капитальные шахты. Пока механизирована только одна, но в недалеком будущем будут механизированы все шахты Артемовскими кони называются в честь основателя союза горняков. Поднимаемся от главного ствола штрека высь. Сверху из черной наклонной дыры несетесь гул. Заглядывая вверх. Редкие лампочки тереблятся в черноте. По темному руслу проходит уголь из верхних забоев.

Идем... тьма, тишина и беззвучье. Изредка замигает в черноте лампочка, помякает и снова исчезает. Иногда вдруг услышим татарскую речь, появятся опять огонек, мигнет и снова сгаснет. Подходим к десятому штреку. Круто поднимается черное горло, круто спадает железное русло и сыплется уголь. С боков русла — черные горы угля, за ним белеют заваленные бревна, набросанные сверху для крепей. Еще выше мигают золотые точки. Лаптев двинулся в черную дыру прямо на уголь. За ним — я. Каждый шаг приходилось брать приступом. Поставишь ногу на кусок, упрешься, чтобы занести другую, — и вдруг уголь катится вниз, вместе с ним съезжаем и мы. Лезем, карабкаемся. Иногда из-под угля вдруг высунется край доски, бревна, хватаемся за них. Над головой — голый провод электричества. Ухватишься за доску, подтягиваешься.

— Головой не заденьте провод, — кричит кто-то позади, и снова ползешь, и опять выступи, и опять забываешь, что в нескольких вершках сторожит смерть — голый провод.

Наконец доползли до перегородки, в перегородке оставлена узкая дыра, направо через железное русло — забой.

Этот пласт — самый мощный. Толщина его доходит до девяти-одиннадцати метров. Здесь — слияние всех четырех пластов.

Двигаемся дальше. Согнувшись в три погибели, лезу в дыру навстречу груде бревенчатых крепей в невероятной нагроможденности.

С потолка с легким треском отваливаются кусочки угля и брызгами летят в воду. В своде видны гнезда динамитных шашек.

Сверху спускаются люди, подымаются снизу, их узнаешь только по колеблющемуся огоньку.

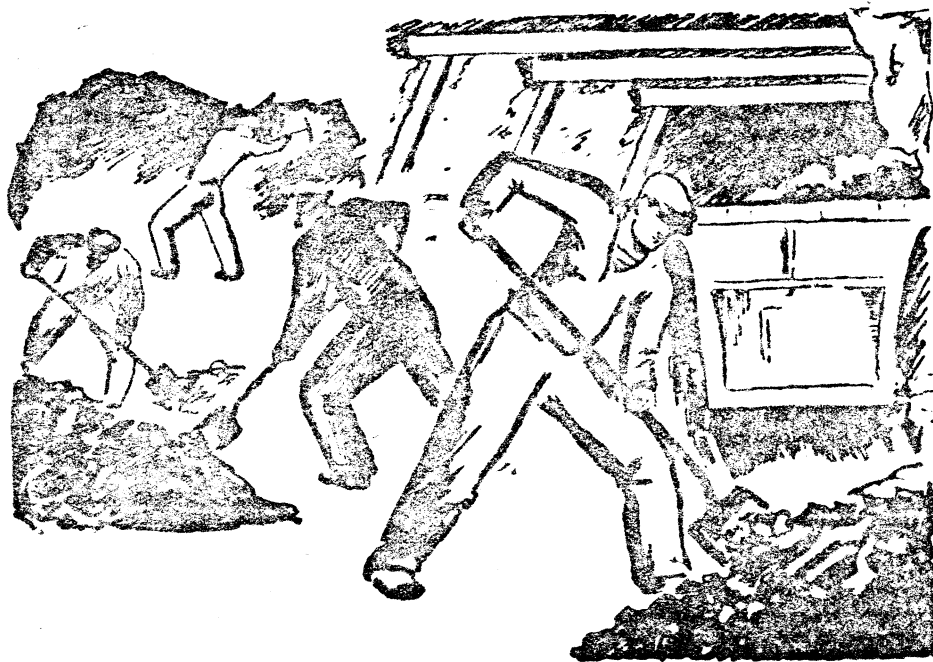
Из узкой щели на четвереньках вылез шахтер. В кромешной тьме мы углубляемся в шель, из которой он вылез.

Вылезли в новый забой. Среди груды обвалившегося угля торчат вершушки поваленных крепей.

— Здорово, товарищи! Как дела?

Несколько шахтеров оборачиваются к нам.

— Да вот, гонит нас. Не дает опомниться, — указывают на груду угля, —

Люди брались за лопаты и очищали забой от угля

только уберем уголь, нечем упоры подставить, а он снова валится.

„Он“ — черный властитель здешних людей — угрожающе трещит и обваливается огромными глыбами от стен, от потолка. Люди ругались, етскакивали, снова принимались „откапывать“ наваленное, но „он“ снова грозил.

— Время, ребята, костер ставить, — осмотрел заботой мой спутник.

Костер — это кладка креп до самого потолка.

— Попробуем.

После множества поворотов и лазеек мы вышли в освещенную галерею.

— Вот и брамсберг, вышли у самой вышки.

Брамсберг — это крутой отвесный штрек. Наверху на площадке укреплен большой маховой вал, на нем намотан стальной толстый трос. К концам прикрепляется вагонетка. С углем она спускается вниз, своей тяжестью разматывая трос с вала. Вал крутится, распускает один конец троса и наматывает другой конец, поднимает пустую вагонетку

снизу. И так идет непрерывное чередование — спуск вагонеток с грузом и в то же время подъем пустой. Так идет уголь.

Артем богат углем. Сейчас вашии новые угольные пласты.

Начались разведки на бывших коях Адамса, недалеко от Артема. Там предполагается хороший уголь большой калорийности.

Скоро должна начаться проводка большой шахты № 3 до второго пласта. Предполагается полная механизация работ.

Начали разведку шахты № 8 „Гигант“.

Артемовский уголь идет на железную дорогу, для топки котлов, помещений.

Снова доходим до перпендикулярного штрека. Далеко внизу направо мелькают огоньки, а наверху светится голубой звездочкой сияние неба. Людей нет.

— Ну, теперь вам придется идти одной, — остановился Лаптев. — Вон видите наверху звездочка? Это и есть выход наверх. По нему спускаются рабочие в шахту. По лифту спускать их опасно, — могут быть обрывы троса. Вот вам лам-

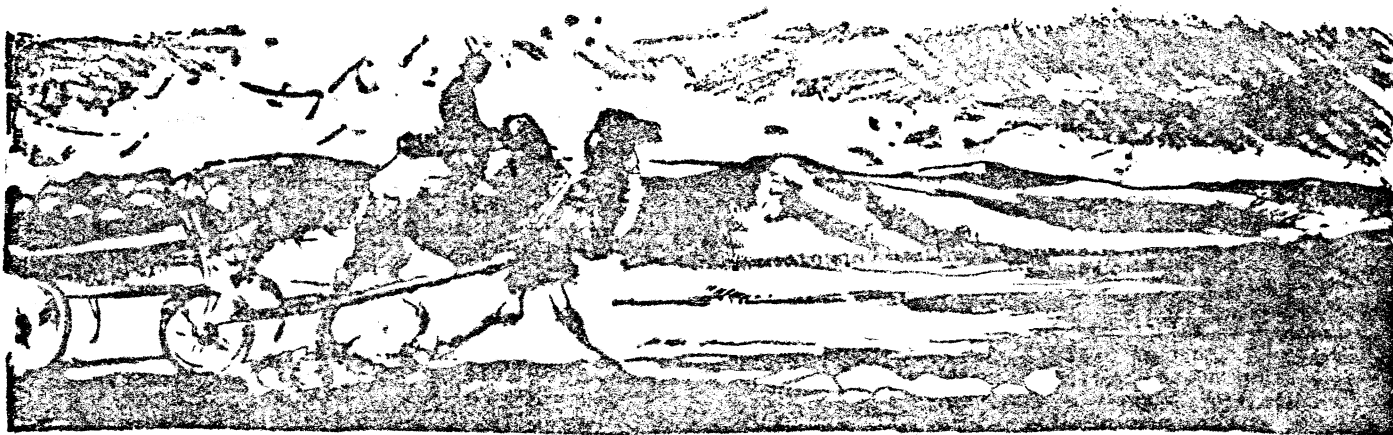
почка и вот по этой лесенке идите все вверх да вверх.

Он передал мне лампочку. Мы простились. Я осветила лампочкой пол шахты, отыскала лесенку — узкую доску с набитыми перекладинами, полезла наверх к звездочке.

Лампочка была мокрая, скользкая; звездочка не увеличивалась, — все светила где-то далеко. Кругом — полная тишина, только под ногами моя лампочка слабо освещала небольшой кружок грязной и мокрой ступени. Я поднималась догдо, или может казалось так. Скоро лесенка стала круче, а звездочка неожиданно превратилась в маленькую деревянную решетку на ярко-голубом фоне неба.

Решетка увеличивалась. Наконец я вышла на площадку и оказалась перед решетчатыми дверями. Двери были закрыты на замок. За дверью — голубое небо. Как же выйти? Поворачиваю вверх голову и вижу небольшую дверь в темное помещение. Выхожу. Снова дверь. Вышла и очутилась перед милиционером.

Через минуту я слала лампочку. Шахты остались позади.

ТУБИНСКИЙ ГОРИЗОНТ

Б. Рейн

Рис. Анкудинова

Хорош у Абдурахмана верблюд. Сильный, желтый, как золотиносный песок. Не горюясь покачивается животное, тащит тяжелый воз руды из Тубинска в Баймак, из Баймака в Тубинск, — сам идет, хорошо знает дорогу. Бежит степью и рвет верблюд.

Смеется Абдурахман:

— Домой бежит вырбылюд, гулять поле хочет...

Проходит аул за аулом. Сверкают белой глиной маленькие домики. Лишь изредка доносится протяжное:

— Алла, уль алла!

Одиноко чернеют немногочисленные мечети. Тихо. Редко взбираются на них муэдзины, плохо отзываются на божественные призывы домика аула. Иногда в дверях мечети мелькнет выходящая фигура старого башкира. Тарахтит трактор с рудой, и с плохо скрываемой злобой смотрит ему вслед старик. А по дорогам Башкирии громят „интеры“ и „катерпилеры“, мчатся многотонные „праги“, караваны верблюдов со строительными материалами.

— Так и под Уфой, — глазами провожает машины Абдурахман, — строят, бал-

шой строят, много машин, много народу там.

Верно говорит Абдурахман. Шумит сейчас древняя Тура-Тау — уфимская гора. Древняя столица на Белой, бывшая резиденция могущественных ногайских ханов, становится огромным центром всесоюзного значения. Строек кодо-турбинного гиганта, автотурбинного комбината и завода Металлома преобразит Башкирию бывшую царскую колонию в Башкирию индустриально-аграрную республику!

Юрта Абдурахмана висит на Ольховке над самой дорогой... Прямо у воды, у желтых нагромождений золотиносных дюн. Через вашиерды промывают драгоценный песок. Десятки возов обрабатывает старатель на этих несложных станках. Хорошо, если получат горсточку мельчайших золотых зерен. А то и ничего.

Мокрый входит в юрту Абдурахман; — Вот! — показывает он кокусобразный сосуд. — Вот! Четыре воза промывал, одна горсточка получал!

На дне сосуда желтеет золотая пыль.

— Много золота в Башкирии? — спрашиваю Абдурахмана.

Махнул в сторону Ирендыха мускулистой рукой.

— Эге-ге! У старого шайтана нет столько золота, сколько его в Башкирии. Миас — золото, Тубинск — золото, Баймак — золото, Зилар — золото. Золотом вся Россия можно выстлать. Смотри! — отвернул он полог юрты. — По золотой песок ходят, на золото стоят. Говорят старики: когда-то его целыми плитами доставали со дна Тубы-озера. В Баймак пойдешь? Много узнаешь, много расскажут.

Снял Абдурахман свой малахан. Зебра поставила на полати дымящуюся миску. Э! Да это биш-бармак! Значит почетный гость я, что удостоился такого угощения. Абдурахман торжественно проделал всю церемонию. Медленно погрузил в миску всю патерню (потому и называется: биш-бармак — пять пальцев), отобрал самый хороший кусок жирной баранины и передал его мне с почтительным поклоном.

— Далеко отсюда рудники, Абдурахман?

— Близко! Восемнадцать рудник здесь. Баймак есть, Тубинск. Хочешь, свезу тебя к старому Сеиду? Много, долго он шахта работал, много знает.

Шесть километров только до Баймака.

Исаммы сыс! — поднялся с полатей башкир.

По узкой дороге затряслись мы на маленьком корзинчатом „ходоке“.

...Висят над южной Башкирией рыже-зеленые пики Ирэндык-Тау. Они опускаются с севера и исчезают в выжженных солнцем казахстанских степях. Вьется дорога у подножия хребта, пронизывая сонные башкирские аулы. Но скалы не спят. Вгрызаются в сердце горы металлические колонки буров, выплевывающих из своих пастей гладкие отрезки кернов. Юркие полутоннажные грузовики шныряют от рудника к руднику, к меднолитейному заводу и возвращаются за новыми порциями голубовато-зеленоватых камней. Мчится по узкоколейке из Юлалов так называемый „юлалинский экспресс“, тянет за собой длинный состав вагонов с рудой.

В Баймак!

В Баймак идет руда. Там же во дворе меднолитейного завода, красноватые „пирог“ медного литья грузятся на машины и отправляются за 160 километров к железной дороге. А через неделю, две они уже разгружаются у громохочущих корпусов „Красного выборжца“, ленинградского меднообрабатывающего гиганта. Много высококачественной меди дает Баймак Советскому Союзу. Не так давно говорил про него зампреда ВСНХ тов. Серебровский: „Баймак — будущий центр цветной металлургии Советского Союза“.

Городок затерялся у подножья Ирэндыка, на берегу узенькой Таналычки. Четыре трубы, изрыгающие зеленоватый серпый дым, придают ему специфически-промышленный вид в море башкирских колхозов. Восемьдесят пять инженеров работает в Баймаке над созданием базы цветной металлургии.

Городок наполняется рабочими, инженерами, техниками, плановиками. Растут деревянные здания, строения из самана, камыша, глины. На другом берегу речушки зачернели башкирские и казакские юрты и коши. Круглые, обитые войлоком юрты считаются в здешних краях неплохим жильем. На одном руднике курсанты-комсомольцы горно-промышленного училища живут в ко-

шах уже много месяцев. Живут и похваливают. Вдоль Тубинского озера выстроился длинный ряд кошей. Это совсем не кочевье, — баймакские работники организовали здесь дом отдыха и кумысовую станцию.

Так пока разрешается жилищный вопрос в горах. Проектируется уже и социалистический городок. По стенам бродят техники, делают съемки, устанавливают нивелиры. Инженеры уверяют: через год население Баймака дойдет до 50 тысяч человек, а еще через 2—3 года у Ирэндыка вырастет 150-тысячный город.

Сеид Юлаев живет в беленькой избушке, прилепившейся к склону горы. Нет окон в избе снаружи: она обнесена глухим каменным забором. Спросил Абдурахмана — почему? Засмеялся:

— Не надо ему окон на улицу! Пусть его жена не заглядывается на соседей! Да не накажет его Аллах, старого Сеида!..

— Исаммы сыс! — поднялся с полатей селобородый башкир. Провел по лицу ладонями рук.

— Исаммы бул, Сеид! — протянул Абдурахман, мой гид и переводчик. — Ибтиш! Ленинграда пришел, шахта мал-мала узнавал!..

Сеид махнул рукой своей старухе. Она опустила кашмау — головной убор — понижее и только тогда повернулась к нам, поблескивая украшениями. Завозилась у ветхого „шувала“. В избе не было и признаков стола, стульев, кровати. Во всю избу — широкие полаты, заваленные множеством сложенных подушек и цветистых одеял. Столом служит половина полатей: на них едят, пьют и отдыхают. А ночью этот универсальный стол превращается в общую кровать.

Сеид уже не работает на рудниках. Четырнадцать раз покрывался снегом вершины Ирэндыка с тех пор, как он в последний раз опустился в баймакскую шахту. При англичанах еще. Четверо сыновей давно уже покинули домик на

склоне горы. Сбросили с плеч отцовские малаханы, сменили их на толстовки, вместо сарык с сукоными гоменишами надели шнуровые ботинки и ушли далеко на Уфимскую гору.

— Дохтор один пошла, другой сын и кызым¹ учил. Учены оба, — потряс Сеид рукавом. — А двое Тубински шахта мал-мала работают.

Перерождается башкирская деревня. Покачивают головами старики:

— Ай-яй-яй! Когда это бывало, чтобы молодые башкиры брали в жены русских девушек, а башкирки выходили замуж за урусов²?

Отмирает и умыкание невест. Редко в каком-нибудь глухом ауле еще происходит предсвадебное похищение девушки. Бывает, что молодой башкир с двумя-тремя удачными товарищами подкарауливает любимую девушку, увозит ее на быстрых лошадях в заранее приготовленное место и насилует. Тогда она его „законная“ жена по всем правилам корана.

Колхозная стройка с корнем вырывает остатки старого башкирского быта. Башкирские мальчишки в Ак-яре, правда, еще шеголяют в полосатых халатах, но с пионерскими галстуками на шее, а девочки сбрасывают тяжелые сертеле — украшения из серебряных монет. Сколько уж этих монет слано в колхозные фонды!

Сеид работал долго в шахтах седого Ирэндыка. Знает много об англичанах, хищниках башкирского золота и меди. Весь Ирэндык был горным княжеством многоликого Лесли Уркварта. Сгонялись в рудники полунищие башкиры на шестнадцатичасовую работу в подземных горах. Спали на сырой земле: при англичанах никак не разрешался жилищный вопрос. Походите по старым рудникам, — нигде не найдете признаков жилья.

Вспомнил старый Сеид. Потом вывел нас под гору. С края от дороги нависали холмы, заваленные голубовато-зеленоватым камнем. Я взял в руки кусок. Да ведь это руда. Значит здесь где-то рудник! Но Сеид молчал, пока не довел до входа, заваленного валунами.

— Шахта, мой работал! — торжественно указал он на вход. — Много руда было в старой шахта. Только англичанин съел. Плохой теперь шахта, затопленный!

— А теперь будет здесь рудник?

— Вон там, — показал Абдурахман вправо, — инженеры копают гору. Там наверно хороший медь будет.

Распрощались с Сеидом. Он опять провёл по лицу ладонями.

— Назад пойдешь, ай-да заходи! Кунака будешь! Заходи!

С пригорка послышалось пение. На верхушке покинутого рудника молодой башкир наигрывал на курае. Пальцы быстро перебирали отверстия длинного камышового стебля, извлекаая из незамысловатого инструмента мотивы какой-то восточной мелодии.

То была песня о Кара-Сакале. Кураю вторила девушка:

Кара-Сакал — богатырь, каких мало

в свете.

В белой чалме, на черном коне,

быстр он, как ветер.

Грозно он саблей машет, громко

башкир скликает...

Страшным врагом был Кара-Сакал для дворянско-царского правительства.

¹ Приветствие — будь здоров.
² Ибтиш — товарищ.

¹ Кызым — девочка.

Буровая труба глубоко уходит в каменную почву. С большой скоростью вращается дробь, выбрасывая через отверстие трубы короткие или длинные многометровые керны, отражающие подземную породу гор.

Горная Башкирия — старинная вотчина англичан — начинает щедро одарять своих богатствами страну Советов. Изрыли ее геологические буры, дали цинк, золото, медь и уголь. Продолжаются в Башкирии открытия башкира Измаила Тасимова, зачинателя горного дела в России еще в XVIII веке.

Хищники-англичане повсюду выхватывали самые богатые куски — многопроцентную металлическую руду. Они не затруднились уходить слишком далеко от своей главной базы — Баймака. Они портили, уродовали рудники. Бесплановая капиталистическая эксплуатация погубила в Тубинске около 5000 тонн руды. Из этого рудника капиталисты брали только богатые замасы, не разведывая залежей. К концу, по мнению англичан, тубинский рудник иссякал. А сейчас он считается самым богатым в Горной Башкирии: в 200 метрах от старого рудника наши геологи обнаружили новые богатейшие залежи меденосной руды.

Английская эксплуатация юлаинских рудников вызывает иронические усмешки советских специалистов: Уркварт ликвидировал юлаинскую шахту из-за истощения ее запасов, а сейчас маленькие паровозы ежедневно увозят на Баймакский медеплавильный завод длинные составы руды.

В помещении буровой вышки инженер Мерабьян знакомит нас с «героями» здешних мест.

— Все герои! — улыбается Мерабьян, — Иванов — герой Сибая, Фельдман — из Юлука, Ахтямов горный человек с Ирендыка. Они как кроты только и занимаются тем, что роют породы.

Шесть геологов Башкирского горного комбината продвигаются по горной Башкирии от гудящих строек Магнитогорска до железнодорожной линии на Оренбург. Следом за ними идут сотни рабочих, двигаются караваны верблюдов, мчатся автомобили с крепежным лесом. Проходятся шахты, строятся обогатительные и бегунные фабрики.

Мы слушаем сибайского «героя», геолога Иванова. Семнадцать лет назад агенты Уркварта, «князя Ирендыкского», определяли запасы сибайского рудника в 450 тысяч тонн медной руды. Четыре года работы партии Иванова открыли в Сибее неслыханные залежи руды: 5 миллионов 300 тысяч тонн! Здесь, при консультации американцев, строится флотационная обогатительная фабрика.

Неузнаваем стал глухой башкирский аул Бурибай: геологи изменили его облик и быт. Пожалуй и аула самого нет: все бурибайские крестьяне работают на новой медной шахте.

Смеется молодой геолог Смирнов:

— В прошлом году мы пили в Бурибае чай как раз на том месте, где прорывается шахта!

— Значит пили чай, сидя на золоте, не зная, что оно под вами?

— Потому и чаевничали там, что подозревали и золото и медь, — усмехается Смирнов.

Ходят поверья среди башкир Бурибая: находили там в былые времена слитки золота весом в несколько фунтов.

Сапоги тянут вниз тяжелыми камнями.

Слитков может быть и не было, но зато найдены запасы меденосной руды в 4 миллиона тонн. А разведка пока прошла только полкилометра.

Неожиданная находка меди в Бакрузяке, золото в Тубинске, золото в Ольховке, цинк на Банер-Тау, уголь, железо, кварциты, марганец, порфириды и яшма.

Геологи живут скученно: в одной комнате по три-четыре человека. Столовая, спальня, кабинет и даже музей — все тут.

— Квартирка не плохая для горных условий. Приехали — жили в палатках, шалашах, юртах. К нам, геологам, ведь обыкновенно чистые производственники относятся с прохладцей! — говорил Мерабьян, вытаскивая из маленького дорожного ящика экспонаты баймакского «музея».

Куски бело-синеватых кварцитов пород с блестящими точками и зернами золотых вкраплений, великолепные кристаллы горного хрусталя, синева-черная яшма (весь Ирендык усеян яшмой: нередко в башкирских горных аулах заборы из яшмового камня окружают маленькие хижины), порфириды, причудливые молочные друзы белоснежного кварца, медная руда.

— Вот! Золотоносная руда, кусок кварцита, удостоверьтесь.

На овальном кусочке камня весом в 15—16 граммов желтела золотая пластинка, окруженная блестящими точками.

— К сожалению, это редкость. Иначе наш Баймак был бы вторым Клондайком!

Опять по горным дорогам покачивается верблюд Абдурахмана. Тридцать километров только от Баймака до Тубинских рудников. Параллельно хребту вьется дорога; мелькают аулы, осевшие по берегу горного озера.

— Тубински... — показывает кнутом Абдурахман на буровую вышку. — Скоро рудник приехали.

Верблюд, не торопясь, поднимался в гору. Вот он проскочил под висячей деревянной эстакадой и остановился у маленького домика тубинского рудоуправления.

...В Лондоне, на Пикадилли, в блестящем особняке Лесли Уркварта, отставного уральского короля, знают много о Тубинске, степном городке, затерянном у подножия южного Урала. Обезжывая свои бывшие южно-уральские владения, он не раз наезжал в Тубинск. Старый слесарь Ветошкин, десятилетиями не покидавший рудников, еще помнит роскошный лимузин и высокого бритого англичанина. Тяжело опираясь на трость с золотым набалдашником, одобрительно покачивал он головой, выслушивая почтительные доклады своих агентов.

Ночь ложится на красноватые пики Ирендык-Тау, и засыпает маленький степной городок. А рудник освещен электрическими огнями, и грохочут подъемные клетки, извергая со стаметровой глубины потоки тяжелого камня... Из черного отверстия шахты показываются закопанные в парусину забойщики, освобождающие место очередной смене...

Утро. Зеленая еще вчера степь покрыта ослепительно белым снегом. Отблески солнца покрывают горы слоем красной

мели. Веселенький белоснежный поселок кольцом обвивает рудник. Только одним концом он уходит в степь, к белому корпусу бегунной фабрики и циано-ового завода. В районе рудника — наибольшее оживление. Светлозеленые горы медной руды, наваленные под висючей эстакадой, никогда не уменьшаются, хотя около них постоянно трещат грузовики и доносится ржание лошадей.

Метрах в сорока от главной шахты — рудник окисленной руды. В маленькой неглубокой шахте работает молодежь — ученики горнопромышленного факультета. Драгоценные желтые глыбы золотосодержащей руды перебрасываются на лошадях за один километр на бегунную фабрику.

Главный горный инженер спустится со мной в еще работающую, но уже умирающую бывшую английскую шахту... Запасы иссякают, да и сам рудник дал огромную трещину оседания, чернеющую на расстоянии нескольких десятков метров. Шахта опустеет через месяц.

Рождается новая шахта. Всего в 200 метрах от старой. Геологи работали здесь совсем недавно, а шахта уже пройдена на 60 метров в глубину!

Кладовщик-башкир выдает мне под расписку снаряжение шахтера: пусковой комбинезон, шахтерскую «панаму», свечку и огромные сапоги с голенищами. В сапогах мои ноги буквально тонут.

Кладовщик успокаивает:

— Ничего... яшки, ибтяш... привыкнешь мало-мало.

Шейгер помогает одеваться. Напяливаю костюм. Шляпа нахлобучена, в руках зажженная свеча. Шагаю ко входу в шахту.

— Эй! На подъемке!.. — кричит инженер. — Забойщик спустился?... Пошли! — полонел он к квадратному отверстию, зияющему на поверхности земли. — Попадём к интересному моменту — взрыву породы.

Я занюхнул о подъемке.

— Нельзя, подъемка у нас покосилась из-за н. клоня шахты. Опасновато.. Самн-то мы спускаемся. Но... за вас отвечать не можем.

Я настаиваю на подъемке. Инженер жонимает плечами.

— Гм... Идемте! Во всяком случае... предупредил.

Волою ноги в огромных сапожниках и перелезаю в клеть. Здесь же и инженер.

— Подожди! — крикнул он машинисту. — Я зааааю свечу. Ну, давай!

Что-то где-то застучало; клеть, подолжительно потрескивая, пошла книзу. Ветер задул свечу, и клеть погрузилась в мрак. Инженер зачиркал спичками в темноте.

— Первый горизонт прошли.

На самой верхней шахтной галлерее замелькали огоньки.

Вдруг клеть пошатнулась, за что-то зацепившись, затрещал. Инженер дернул веревку. Остановились.

— Не этот раз наше путешествие закончилось... к счастью для нас благополучно зажегло. Эй! Там, наверху! Подаван, только тихонько. — И клеть медленно полезла вверх.

Пришлось опускаться в шахту по лестницам. В зияющей дыре рудника можно и метаться только одному: для двоих нехватит места. Пуляясь в костюме, переставляю по ступеням ноги. В одной руке — свеча. Другой держусь за ступеньки лестницы, показывающейся над провалом. Инженер спускается подомной. Его свеча для меня путеводный огонек. Мановил перильный горизонт, перелезла на следующую лестницу. Синий квадрат неба уже далеко наверху.

— Сколько же пролетов? — бросил я вниз, уцепившись за деревянные крепления.

— Двадцать семь пролетов! — донеслось снизу. — Около ста метров глубины...

По дороге у переходов попадают шахтеры. Они пережидают на поперечных перекрытиях, а потом быстро взбегают как по обыкновенной каменной лестнице.

Все глубже погружаюсь в бездну. Вдруг затухла свеча.

— Ничего! — глухо донеслось опять с нижнего горизонта. — Ничего, передвигайте тихонько ноги, не сорвитесь, я сейчас передам вам свечу.

С непривычки кружилась голова. Дойду или не дойду?

Но вот сквозь просвет деревянных ступенек забегали красноватые огоньки. Они быстро передвигались по узкому пространству.

Горизонт 95!

Шахтные галлерей Тубинских рудников — узкие проходы вышиной с человеческий рост и ширины для одновременного прохода не более трех-четырех человек. Далее в стороны уходят галлерей. Мрачно и сыро под землей, в этих мокрых коридорах, в стенах, покрытых зеленой плесенью. Вот где богатейшая в мире медная руда! Идем по у-колейке, крепко зажав огарки свечей.

Быстро приближается огонек.

— Посторонись! Вагонетка!

Проскальзываем в нишу. Вагонетка с рудой проскакивает, подталкиваемая невидимым человеком. Идем к забою.

Опытный шахтер Стрельников ведет нас к своему молодежному забою. Он — инструктор горного фабзавуча и хочет по-азааю работу ребят.

В его забое работают совсем молодые башкиры, никогда ранее в шахте не бывавшие. Под землю лезть сперва боялись. Приходилось Стрельникову для «показа» опускаться в шахту и вновь подниматься. Какой же шйтан причинит вред в шахте?

Приближаются огоньки молодежного забоя. Слышно башкирское пение. В конце галлерей три паренька, напевая, крепят забой круглыми брусом крепежного

леса. В углу нависает свод из руды, еще не крепленный. Под ним возится коренастый забойщик.

— Не стои в забое! — кричит Стрельников. — Сколько раз говорил! Будет завал, костей не соберешь...

Забойщи и обычно идут по шахте, непрерывно создавая перед собой остоу из креплений.

— Патроны заложили?

Бригадир показал пальцем на рудоносную стену. В четырех местах просверлены дыры круглым ручным буром. Глянула. Стрельников ловко перескочил че ез бревна, взял из ящика длинные патроны пироксилиновых шашек, вложил в отверстия, приладил бикфордов шнур с метр длиной.

— Готово! Сматывайся, ребята! Запааю сейчас...

Стрельников зажигает спичку. Свечи гаснут, и мы уползаем на броне от опасного места, поближе к нимсам. Он защищает нас от шальных курков взорванной руды и от возможных разрушений крепления. Переносаю быстро через реет с. По пути — масса п ентстаний. Ударяю ь обо что-то го-вой, сворачиваю палец, но благополучно допаса до поперечного прохода. Оглушительный грохот нагоняет меня. Трещат бр вна, точно сжатые гигантским прессом, гулкое эхо и едкий дым наполняют галлерей.

Выжидаем несколько минут и ползем обратно.

В забое уже светло. Людей не видно за грудями зеленого камня. В подвешенные вагонетки набрасываются огромные каменные глыбы. А забой оглашается переливчатой дробью кирок.

Забойщики двигаются дальше, по пути, проложенному динамитом.

С умирающей шахтой обращаются в Тубинске осторожно. Через месяц она уже будет покинута. Поэтому и старются выбирать наиболее богатую руду. В лаборатории производят анализы взятых в шахте образцов, и забойщики идут по направлениям, твердо предудказанным химиками.

Свисток оглашает горизонт 95... Смена! Забойщики поднимаются гуськом по качающимся лестницам. Я сильно отстаю, — сапоги тянут тяжелыми камнями.

На этажах пропускаю шахтеров.

Свернуло ребо синим четырехугольником. Вот оно опускается все ниже и ниже. Я жадно, как верблюд к воде, тянусь к этому синему клочку. Скорей! Скорей! Еще... один, только один пролет... Свеча гаснет и летит вниз. Скорей! на чистый воздух!

Выскакиваю из каменного четырехугольника и зажмуриваюсь крепко, спасаясь от яркого солнца. Слышу многоголосый шум.

В зияющее отверстие по одному спускается новая смена закованных в парусину шахтеров.

З Е М Л Я Г О Р И Т

(продолжение)

А. Беляев

Рис. Н. Кочергина

Письмо третье

Дорогой Леня

Бригадир был прав: когда я побывал у агрохимика Бойко, то я готов был прозакладывать голову, что самое важное в сельском хозяйстве — это химия.

— Стрелит меня Бойко в химической лаборатории опытной станции.

— Приехали к нам поработать? — спросил он протягивая мне руку. Он был в сером халате, прожженным кислотами.

У лабораторных столов стояли в халатах юноши и девушки, они возились с горелками, колбами, стаканами, перегоняли, кипятили, охлаждали...

В отдельной комнате — святилище, куда не заходят химические газы — под стеклянными ящиками стоят химические весы.

— Обратите внимание: чтобы сотрясение почвы не отразилось на них, весы стоят не на столах, а на полках, прикрепленных к стенам. Вот наше последнее советское достижение, — с гордостью сказал Бойко, поднимая стеклянный ящик с новых весов. — Оторвите клочок бумаги и бросьте на весы.

Я сделал это. Бойко взвесил клочок, снял с весов, протянул мне и сказал:

— Теперь черкните на клочке карандашом вашу фамилию.

Я исполнил и это. Бойко вновь положил клочок на весы. И что же: весы отметили прибавку в весе от коротенькой карандашной надписи.

— Вот мы и узнали вес вашей фамилии, — улыбаясь, сказал Бойко.

— Здесь у нас „болтуны“, — продолжал он шутить, вводя меня в новую комнату. Маленькими деревянными лопаточками молодые люди взбалтывали в стеклянных жидкостях темного и светлого цветов. — Анализы почвы.

— И долго приходится так взбалтывать?

— Часами, днями, неделями, а иногда и месяцами. У нас есть несколько механических болтушек, но их недостаточно.

— Но для чего это?

— Для того чтобы узнать, какова почва. Мы растворяем густую почву в стакане взбалтываем, пропускаем через мельчайшее сито и отсеиваем самые крупные частицы, взвешиваем, подсчитываем. Затем болтаем и осаждаем до тех пор, пока через двенадцать часов после отстоя жидкость не окажется совершенно прозрачной. Чем больше мелких частиц в почве, тем лучше почва. Если в пробе, в маленьком сосуде величиною с наперсток, окажется менее миллиарда семисот миллионов частиц — почва никуда не годна. Почему? Потому что слишком крупные частицы почвы не обеспечивают питания корням. Ведь в одном кубическом метре почвы поверхность частиц, с которой приходят в соприкосновение корни растений, представляет площадь примерно в гектар... Идем дальше. Здесь у нас дистиллируют воду, здесь моют химическую посуду. А вот эта комната... Неприятная комната. В ней мы производили работы, при которых выделяются самые ядовитые газы.

Несотра на то, что лаборатория пуствовала несколько дней при открытых окнах, тяжелые кислотные запахи еще

не улетучились. Они раздражали нос и щипали глаза.

— Да, тяжелая ваша работа, — сказал я.

Бойко свернул глазами, слов о я не оскорбление близкому ему человеку.

— Увлекательная работа. Изумительная работа, — с жаром сказал он и потащил меня в маленький кабинетик при лаборатории. На большом письменном столе лежало несколько книг на русском и немецком языках по химии, главным образом аналитической.

— Садитесь, пожалуйста, и выслушайте, что такое агрохимия.

Дорогой Леня! Ты просил меня подробно писать тебе обо всем. Не сетуй на меня, если тебе придется прослушать лекцию.

— Химизированное сельское хозяйство — это неисчерпаемые золотые россыпи, — начал Бойко. — Не верите? Приведу вам пример из прошлого. Во время, когда Соединенные Штаты Америки еще „процетали“ и капитализм не подготавливал вконец фермерского хозяйства, это хозяйство за два года давало стране богатство, превышающее всемирную добычу золота на земле за весь период со времени открытия Америки Колумбом. За два года ценность продуктов сельского хозяйства превысила в шесть раз общий капитал всех американских банков. Но такие успехи сельского хозяйства в Америке стали возможными только тогда, когда там на помощь фермеру пришла химия. Капитализм скоро светит на нет все эти успехи. Но это уже вина не химии, а капитализма.

Теперь посудите сами, что же может дать, даст и даст в будущем химия для нашего социального сельского хозяйства. Питание для всего населения, огромные экспортные излишки, миллиарды рублей на строительство фабрик и заводов. В настоящее время вся наша агрономия теснейшим образом связана с химией. Вспомните дореволюционную Россию. Она была классической страной перемежающихся с урожайными годами неурожаев, а порой страшных голодовок населения. Два-три года средний урожай, а на следующий год — ужаснейший недород. На эту кривую урожай в начале восьмидесятых годов прошлого столетия обратил внимание еще Карл Маркс и дал так ее объяснение: главная причина неурожаев — отсутствие искусственного удобрения.

А теперь что мы видим? Поля, удобрения, жизнь и питание растений и самого человека — все это одна гигантская химическая лаборатория. Химия решает об искусственном удобрении, о наилучшем корме для скота. Химия изучает почву. Ведь почва — это не мертвая земля, а своего рода живой организм, в котором непрерывно происходят всевозможнейшие процессы. Почва „дышит“, „питается“, насыщается плодородными соками или истощается и умирает, чтобы возродиться, воскреснуть вновь, если к ней на помощь придет химия. Химия объясняет и предупреждает порчу сельскохозяйственных продуктов. Списание молока, гниение овощей — все это химические или химико-бактериологические процессы. Химия выяснила роль бактерий в обогащении или истощении почвы азотом. Химия

объясняет, почему портятся сельскохозяйственные машины, (рудия, — ржавеют в „кислородном горении металла“. Наконец химия оказывает огромную помощь хозяйству в борьбе с вредителями. Но об этом вам лучше расскажет товарищ Брызгалов, наш „главком“ по борьбе с вредителями. Непременно познакомьтесь с ним!

Химия открывает земледельцу новый мир. Разве старый хозяин обращал внимание на воздух? Знал ли он, что именно углекислота воздуха, при помощи солнца и хлорофилла растений, превращается ими в питательный крахмал и сахар? И не из воздуха ли химия извлекает теперь азот, необходимый для питания растений? Не химия ли дает ответ, чего не хватает почве, и определяет „дозировку“ почвенного питания фосфором, калием, кальцием, азотом? Ведь почву можно не только недокормить, но и перекормить, и тогда будут потеряны и удобрения и урожай.

А вода! Растения состоят из семидесяти-девяноста процентов воды. Старый крестьянин знал, что вода нужна растению, что растение пьет воду. Но знал ли он, сколько именно нужно воды растению? Знал ли он, что картофелю, например, или клеверу нужно тысяча двести тонн воды на гектар, кукурузе — всего девятьсот, а подсолнечник любит воду, как старая московская купчиха любила чай: ему авось не меньше восемнадцати тысяч тонн! Знал ли старый крестьянин, что растения не только пьют, но и испаряют воду в воздух, и испаряют втрое больше, чем пьют. Некоторые растения являются настоящими насосами: средний тополь выбрасывает в воздух в сутки не меньше бочки воды. И чем суше воздух, тем больше испарение. Плодородным, но засушливым степям Заволожья не хватало воды. Мы страдали не только от недостатка воды в почве, но и от сухости воздуха, которая заставляла растения усиленно извлекать из почвы последнюю влагу, чтобы напрасно выбрасывать ее в воздух. Но тут на помощь почве и растениям пришла техника. Каналы. Теперь наша почва напоена водой, а воздух настолько увлажнен реками, озерами, водоемами, созданными человеком, что испаримость воды растениями понизилась до нормального уровня. Ниш край ожил. Без техники — гидротехники — здесь была бы бессильна и химия. Но в целом химия является могущественнейшим двигателем сельского хозяйства.

Мы произведем в год около двух миллиардов центнеров зерна. Из них по крайней мере полмиллиарда — для химии. Но она еще не сказала своего последнего слова. Мы рассчитываем в самом ближайшем будущем увеличить урожай по крайней мере на треть. Вы понимаете, что это значит? Мы сможем прокормить население еще одного СССР и иметь сверх этого значительные излишки для экспорта.

Можно ли после этого сказать, что труд химика тяжел? Нет, это самый радостный, самый живой, самый творческий, усталый, но самый интересный труд! Я вам покажу настоящие чудеса химии: как она буквально из камня и воздуха делает хлеб, как оживляет вконец истощенные почвы, как

заказывает почве урожай с точностью до нескольких десятков килограммов на гектар, словом, как у нас делают урожай, а не ждут его от случая или от бога...

Когда мы уходили, Бойко сказал на прощанье:

— Так заглядывайте непременно. Вам надо быть в курсе всего.

Письмо четвертое

„Главкома“ по борьбе с вредителями я застал в ангаре. Он был в рабочем костюме, как и другие рабочие, и я сразу не мог определить, кто из них „рядовой“ и кто „главком“.

— Могу я видеть товарища Брызгалова? — спросил я.

Плотный, коренастый человек, с густой шапкой черных волос, сдвинул на сторону кепку и сказал:

— Я Брызгалов.

Мы познакомились. Брызгалов, не прекращая работы, — он загружал аэроплан ядом, — сказал мне:

— Интересуетесь вредителями? Так. Могу показать. — Брызгалов говорил отрывисто, короткими фразами. Выпалит одну фразу и крепко сожмет губы. — Летать со мной хотите?

— С удовольствием, — ответил я.

Брызгалов молча кивнул головой и принялся вместе с механиком выверять части мотора.

— Завтра. Ровно в четыре утра. Будьте здесь. Никишка, заправляй самолет горючим.

На другой день в половине четвертого я был уже на аэродроме.

Еще совсем темно. Только восток как будто вылинял. У старта яркий дуговой фонарь. Крылатая машина уже выкачена из ангара. Брызгалов и механик контролируют работу мотора. Брызгалов видит меня, молча кивает головой. Мотор сердито чихает, словно злится, что его разбудили так рано, и оборвал. Тишина. Брызгалов что-то говорит мне, но я не разбираю: немного оглушен. Вымпел на мачте аэродрома трепещет от ветра. Брызгалов неодобрительно дергает головой.

— Может отложим? — спрашивает механик.

Но Брызгалов, вместо ответа, кивает головой в мою сторону и, показывая на фузеляж, говорит:

— Лезьте! Не туда! Это для летчика. Заднее место!

Я взбираюсь, усаживаюсь. Быстрым, привычным движением, словно кавалерист на коня, вскакивает на свое место Брызгалов. Рядом со мной усаживается веселый паренек Никишка. Три человека и груз. Но аэроплан большой, мог бы поднять, пожалуй, и четырех.

Ангара подо мной кренятся на бок, круто поворачивают, как карусели, и исчезают.

Внизу — огни города, впереди — темные поля. Мы летим на восток. Он все больше бледнеет. Я вижу неясные очертания локтей, спины и головы Брызгалова.

Ветер крепчает. Полет аэроплана становится неровным.

Розовая щель раскалывает восток. Румяными огнями зари наливаются озера, реки, пруды.

— Куда мы летим? — кричу я Никишке в самое ухо.

— К лесам-а! — так же отвечает мне Никишка.

„К лесам!“ Как это странно звучит в гогом, степном Заволжье, где люди веками топили печи соломой и навозом.

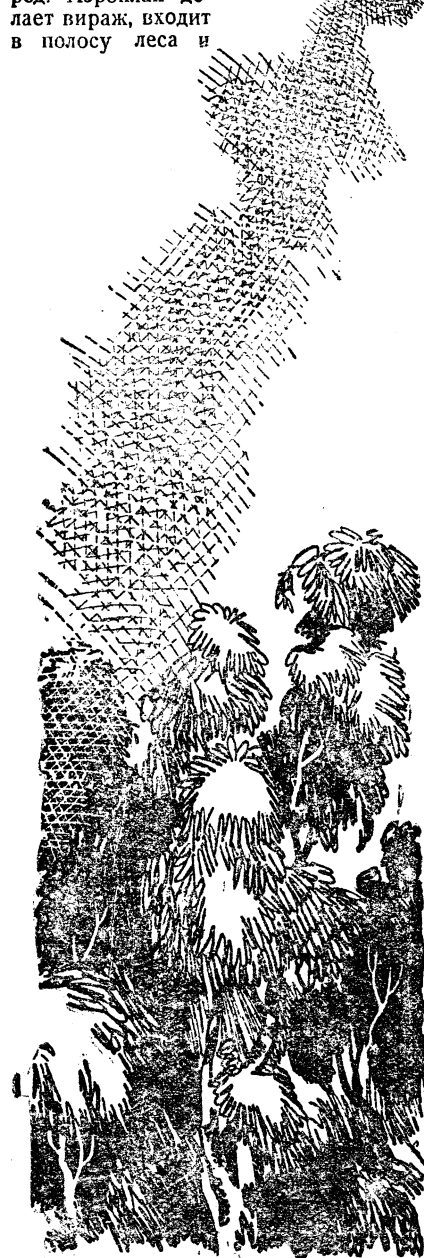
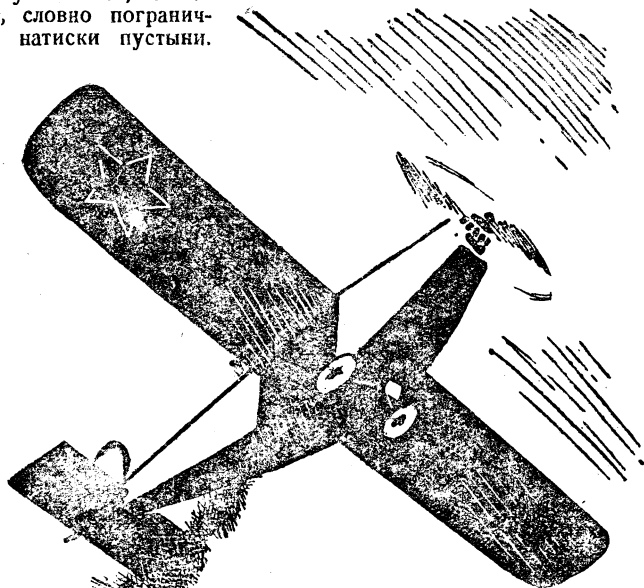
Впрочем и теперь они не отапливаются дровами. Каптаж дал возможность наса-

дить леса, и они насаждаются для улучшения климата и защиты от песков. Молодые леса. За ними ухаживают, как за ребенком. Они стоят, словно пограничные отряды, отражая натиски пустыни.

Я вижу их стройные полки, вытянувшиеся в длинную линию фронта с севера на юг. Зеленые молодые леса. А в них — союзники пустыни: жучки, бабочки, мухи... Но подожмите. Брызгалов не дремлет у своего руля!..

Взошло солнце. Оно светит прямо в глаза и вероятно очень мешает Брызгалову. Я вижу, как он вертит головой.

Вот и лес. Локти Брызгалова приподнимаются, весь он наклоняется вперед. Аэроплан делает вираж, входит в полосу леса и

От аэроплана протянулся вниз пылевой хвост.

сразу снижается. Но Брызгалов предвидел это и набрал высоты.

Никишка дергает рычажок, открывает отверстие опылителя и смотрит вниз. От аэроплана протянулся вниз пылевой хвост. Солнечные лучи играют на пылинках.

— Что?.. — кричу я, указывая на хвост. Никишка догадывается.

— Мышьяковистости-ислый ка-а-лий! — орет он мне в ухо и гордо прибавляет химическую формулу, что-то вроде „Два-Ка-три-Ас-О-три...“

Мы долетаем до поперечной просеки и вдруг круто поворачиваем на запад. Аэроплан убрал свой пылевой хвост. Мы израсходовали двести килограммов яда и летим за новой порцией.

Снижаемся на аэродроме. Тут лицо Брызгалова проясняется: видимо доволен работой.

— Вот у нас и есть свободное время побеседовать о вредителях, — говорит. — Присаживайтесь ко мне поближе!.. Недавно попалась мне в одном библиотечном архиве старинная детская хрестоматия, — начал Брызгалов. — Прочитал я там одно стихотворение. Про мотылька. Мальчик хочет поймать на поле мотылька. А мотылек просит: „Не губи, человек, ведь короток мой век“ или что-то в этом роде. Идиоты! Какой вредной ерундой засоряли детские головы! Жалость возбуждали к поэтическому мотыльку! А одни луговые мотыльки в год могут проесть стоимость большого сахарного завода! А стоит завод большие десятки миллионов. Еще недавно сельскохозяйственные вредители пожирали хлебобольше, чем надо для прокормления всего населения СССР. Хомяки, суслики, саранча, жуки, бабочки, гусеницы, мухи, сорняки, крысы, мыши, бактерии... Тысячи тысяч! То, чего не успевали уничтожить полевые вредители, доканчивали амбарные. Теперь мы боремся с ними химией. И сберегаем государству миллиарды. Но наша работа должна быть напряженной, неослабной, планомерной, коллективной. Истребите миллиарды вредителей, оставьте в живых пару, прекратите борьбу, — и через год-два их снова будут миллиарды. Сейчас они принялись за наш молодой лес. Хотят прорвать и открыть фронт для нашего главного врага — пустыни. Я летал над лесами, над полями, над болотами...

— И над болотами?

— Комары. Малярия... Знаете Рионскую долину на Кавказе? Плодороднейшая в мире. Чудесный климат. Пропадала. Пустовала. Малярия. Страшная смертность окружающего населения, рабочих. Теперь там — цветущие нивы и рисовые поля. Здоровые растения и здоровый, сытый народ. Химия!.. Мы все принимали участие в этой войне. Опыливаем, окуливаем, обрызгиваем поля с ранней весны до поздней осени. Это у нас обычная работа. Бывает и ударная. Когда какой-нибудь вредитель размножается чрезвычайно. Тогда — мобилизация. Все на ногах. Кордоны. Заградительные отряды. Люди в противогазах... Война! При единичном хозяйстве борьба была невозможна. Межи. Овражки. Сорняки — приют для вредителей. Невежество. Раздробленность действий... Теперь — общий план, и мы...

Через минуту я услышал шум заводного мотора и отрывистый приказ Брызгалова:

— Контакт!

Война продолжалась...

Письмо пятое

Бригадир, Бойко, Брызгалов — все это своего рода агроинтеллигенция. Но каких средний колхозник? — спрашиваешь ты.

Познакомился я с этими „среднеарифметическими колхозниками“. Что же я могу написать о них?

Все они хорошо знакомы с техникой, агрономией, химией. Прекрасная политехническая школа. Хорошая библиотека. Театр, и главное — телевидение и звуковое кино дают им то, чего не могут дать тонны старых книг. Они слушают лекции лучших профессоров Союза, передаваемые по радио, они видят лучших артистов на экране. Они „присутствуют“ зрением и слухом всюду, как бы принимая непосредственное участие в мировых событиях.

Когда-то деревенским клубом была завалянка у хаты. Старики жаловались здесь друг другу, что господь за грехи не дает дождика и наказывает неурожаями, женщины судачили у колодезь, молодежь хулиганила, те и другие заливали „горькой“ горькую жизнь. Их кругозор не шел дальше сельской колокольни.

Теперь „завалянка“ — ярко освещенный электричеством клуб. Темы разговоров — о новом научном изобретении, о последнем полете в Арктику, о необычайном овоще, выращенном на опытной станции.

Не думай однако, что жизнь здесь похожа на тихое болото с блаженно прозябающими лягушками. Здесь тоже есть борьба, и здесь нередко разгораются страсти. Спорят о методах электрификации, и о планировании новых городов, и о новых сельскохозяйственных мероприятиях.

Новый быт строится не без борьбы. Сколько споров было хотя бы о домах-коммунах! В какой мере обобществлять быт? Что делать с детьми? Как строить дома-коммуны? Тут тоже были перегибы и правые и левые уклоны. Их история запечатлелась даже в архитектурных формах домов. Ты можешь встретить несколько типов жилых домов, от казарм и до домов типа меблированных комнат.

Недавно, в тихий весенний вечер, я беседовал на веранде дома-коммуны с одной пожилой колхозницей, Марьей. Она рассказывала мне историю своей борьбы с домом-коммуной.

— Сколько лет уж прошло, — говорила она своим украински-неуловимым голосом. — В первые годы трудно было жить

в колхозах. Хозяйство большое, хозяйев много. Что голова, то ум. Каждый думал по-своему, как лучше общественные дела наладить. Свары, споры. Но все утряслось понемногу. Решили дом-коммуну строить. А я ни за что! И слушать не хотела! Привыкла к своей хате, как корова к хлеву. Хлев горит, корову выведут, а она вырвется да назад. Хоть в пламя, да в свой хлев! Так и я... А муж-то у меня был активист. За дом-коммуну первый агитатор. „Ну, — говорит, — оставайся в своей хате, а я один пойду жить в дом-коммуну“. Ушел муж, а за ним старший сын. Я с двумя малыми да со стариком в хате осталась. Уж и трудно было, а не сдавалась. Общественную работу кончишь, придешь домой — за стирку становись да за котел. Плюнула на свою хату. Теперь давно уж в коммуне живу.

Эпизод... Один из тысячи эпизодов. Одна буква из великой книги о строительстве нового быта...

Друг мой, Лен! Не похожи ли мы с тобой на эту Марью? Ты знаешь, я не молод. И вот я, как Марья, жалею теперь только о том, что годы напрасно потеряны для тебя и для меня.

Бросай все! Бросай свою швейцарскую сыроварню и приезжай скорее вместе с женою и детьми в советский колхоз варить советский колхозный сыр!

Твой Э.

— Слышите, колокольчик звенит? Это Карась рыбу сьезает, кормить будет. Идем, посмотрим! — говорит руководитель экскурсии, загорелый юноша. За ним тянутся экскурсанты — ученики заводской школы. Приехали посмотреть рыбный совхоз.

Реки, пруды, озера покрыли некогда безводную степь. Дома утопали в садах. Кругом — тучные нивы, не знающие больше засух. На заливных лугах пасется племенной скот. Над прудами и речками склоняются тенистые ивы, — берегут воду от жгучих лучей солнца. Пустыня отброшена далеко за Урал-реку. Но и там ведется на нее наступление. Все дальше отступают пески на восток. Гаснет пожар земли...

— Карась у нас — замечательно башковатый старик. Рыб знает, как свои пять пальцев, и любит, словно детей родных, — говорит руководитель.

— Карась — это его фамилия?

— Прозвище. Прозвали мы его так — Карась. А фамилия его Барышников Иван Федорович. О рыбе может день и ночь толковать. Да вот вы сами его послушаете.

Словно зеркало в зеленой раме, блестит широкий пруд, обросший по берегам ивами и тростниками. На небольшом деревянном подмосте сидит на корточках Иван Федорович Барышников, — он же Карась, — ученый рыбовод рыбного совхоза Карповки. На нем — широкополая соломенная шляпа — изделие школьной мастерской, длинная толстовка и белые брюки. На ногах — сандалии. Ему за пятьдесят. Длинные седые усы спускаются вниз, словно мартовские сосульки. На тупом носу — очки. Он низко наклонился к воде и кормит рыб, приплывших на его звонок целой стайкой.

— Карась карасей кормит, — улыбаясь, тихо говорит руководитель и подходит к старику. — Рыбок кормите, Иван Федорович?

— А как же! Они у меня что дышлат. На зов идут и из рук корм берут. Здравствуйте, ребята, — говорит он экскурсантам. — Приехали наших карпов посмотреть? Наш совхоз карпами славится. Это у нас первая статья.

— Не оттого ли и совхоз Карповкой называется?

— От того самого. Уж очень хороши у нас карпы, и много мы их добываем. Жаль, что железная дорога далековата. Говорят, ветку проводить будут. А пока мы больше районные совхозы снабжаем, коптим немного...

В эту минуту к пруду подъехал синий запыленный автомобиль. На подножке стоял председатель правления совхоза Салов. За рулем — молодой безусый шофер в кепи. Салов соскочил еще на ходу. Вслед за ним из автомобиля вышел шофер.

— Иван Федорович, — сказал Салов, — позвольте вам представить главного инспектора Волго-каспийского рыбоводства, товарища Бекирова! — и он указал на шофера.

Бекирова улыбнулась и протянула Карасю руку.

— Ну, показывайте ваше хозяйство! — сказала она низким грудным голосом.

— Принесите сети! — командовала Бекирова через минуту.

Руковод, служащий совхоза, побежал за сетью, а Бекирова достала из машины чемодан, вынула оттуда резиновый комбинезон, натянула его поверх платья и в этом водолазном костюме, но с открытой головой, вошла в пруд и начала ходить по дну, ощупывая ногами почву.

— „Задев“ много, — говорила она, передвигаясь с места на место. — Корчаги, кочки... Вы содержите дно в плохом состоянии...

Бекирова вышла из воды, сняла водолазный костюм, подхватила его одной рукой, в другую взяла чемодан и отправилась к автомобилю. Карась вдруг возненавидел ее жгучей ненавистью. А Бекирова продолжала пытаться его.

— Какая у вас система прудов?

— Ступенчатая и цепная! — ответил он свирепо.

— Самая невыгодная. Чтобы очистить один пруд, вам приходится спускать все разом.

Карась простонал. Разве он не знает всего этого?

— Идемте в контору! Вы мне покажете цифры улова.

В этот день Карась потерял все свое благодушие. Каждый вопрос Бекировой наносил удар его самолюбию и авторитету. Ему казалось, что все экскурсанты смеются над ним. Но Барышников еще не терял надежды дать ей генеральное сражение. Пусть не придирается к мелочам! Цифры улова — больше трехсот кило на гектар — сами за себя говорят! Он предвкушал, как обрушит на ее голову эти триста кило. Такого улова на pewno у нее у самой нет!

Еще раз в этот злополучный день самолюбие Караса было уязвлено перед самым отъездом Бекировой. Она разговаривала с Саловым о совхозе. Карась случайно слышал этот разговор, сидя в своем малиннике.

— Я быть может несколько сурово вела себя в отношении товарища Барышникова, в особенности в конторе, — говорила Бекирова. — Но это необходимо. Барышников не плохой рыбовод, но он...

— Он очень любит свое дело, — вставил словечко Салов, желая поддержать Караса. — Барышников, можно сказать, романтик рыбоводства.

— А нам нужны техники и инженеры рыбоводства. То, что он делает, — кустарничество. Товарищу Барышникову надо приехать ко мне в совхоз Первомайский, поработать у нас и кое-чему поучиться. Сейчас отпущены большие средства на реорганизацию рыбного хозяйства. С осени мы приступили к работе.

Несколько дней Барышников выдерживал характер. Не выходил из дома. Сидел мрачный и даже не ел любимых карасей в сметане. Но в конце концов не выдержал. Проснулся однажды на заре, и вдруг ему жалко стало рыб.

— Сколько дней я не кормил их! Чем рыба-то виновата?..

Карась тихо поднялся, чтобы не разбудить жену, взял корму и отправился к пруду.

Солнце еще не вставало, — ранний час, — его никто не увидит.

Барышников присел на помост. Звонить в колокольчик он не решался. Но рыба и без звонка заметила его знакомую фигуру и, голодная, начала сбегаться к плоту.

Опять дни потекли обычным порядком, но Карась чувствовал, что это — только отсрочка.

И наконец настал день, когда в конторе была получена официальная бумага. Барышников приглашался в рыбный совхоз Первомайское для ознакомления с новыми методами ведения рыбного хозяйства.

Салов даже не ожидал, что Карась так легко согласится на поездку. Но у Караса были свои соображения. Он, обманывая самого себя, решил, что поедет только из любопытства, а главное — чтобы дать решительное сражение Бекировой. Он докажет, что знает не меньше ее! Там волей-неволей она должна будет выслушать его. «Ну что они там нового могут придумать? — думал он, собираясь в дорогу. — Рыба остается рыбой». А ему ли не знать, чем «дышит» рыба? Он прожил с рыбой долгие годы. У него опыт. Он еще утрат не молодым!

С такими воинственными мыслями отправился Карась к «щуке».

Путь был не близкий. Пришлось пересечь почти весь орошенный Волгой район с северо-востока на юго-запад.

И на всем протяжении пути тянулись поля, луга, озера и реки. Новые водные, железнодорожные и шосейные пути соединяли новые города и селения. Везде кипела работа. Здесь «делали хлеб с маслом», как писал некогда Михеев.

Барышников больше всего интересовался рыбным хозяйством. Он присматривался к садкам, прудам и озерам.

«То же, что и у меня! — думал он. — Напрасно девочка нападала на меня. Я не хуже других». — Эта мысль успокоила его.

Вот и станция Первомайская. Барышников нашел присланный за ним автомобиль и покати по хорошей шоссе-ной дороге. Он был на территории показательного рыбного совхоза и сразу почувствовал, что здесь многое не так, как у него.

Пруды — в идеальном порядке. Вдоль прудов — обводные каналы, соединенные с прудами таким образом, что каждый пруд можно спускать отдельно через особое приспособление. Возле прудов и каналов — шошированные и бетонированные дороги, по которым хлопотливо снуют грузовики и авто. Через каналы и реки переброшены мосты. По ту сторону прудов — полотно железной дороги. На железнодорожных путях — невиданные Карасем длинные, огромные вагоны. А даль-

Бекирова задержала машину.

ше, за озером, виднеются фабрики, заводы, станции, большая электростанция, жилые корпуса... Целый город!

Автомобиль проехал мимо молодой каштановой рощи. Широкая аллея рощи упирается в огромное восьмиугольное здание со стеклянной крышей, сверкающей на солнце.

Неожиданно Барышников увидел у берега озера площадь с разбитыми на ней клумбами. Огромное четырехэтажное здание из стекла и бетона замыкает площадь полукругом. Шофер подъехал к подъезду и, дав гудок, остановил машину.

Из дверей вышел молодой человек и, спросив фамилию Барышникова, сказал: — Второй этаж, комната семьдесят шесть!

Его ждали. Барышников захватил небольшой чемодан и прошел в отведенную ему комнату.

Светлоглубые стены, белая металлическая мебель. Окно во всю стену. На стене телефон, возле — план дома по этажам и телефонный указатель.

Карась вымылся в ванной комнате, переоделся, позавтракал в большой, светлой столовой и, вернувшись к себе, позвонил в бюро справок.

— Могу я видеть товарища Бекирову? — Он горел нетерпением сразиться с нею.

— Товарищ Бекирова на работе. К вам зайдет аспирантка Научно-исследовательского института рыбоводства, товарищ Голубева, — отвечал женский голос.

«Да что у них тут все бабы?» — с неудовольствием подумал Барышников.

Скоро в его комнату постучались. Вошла молодая девушка, краснощекая, улыбающаяся, в свободном, коротком белом платье, остриженная «под мальчишку».

— Здравствуйте, товарищ Барышников! — обратилась она к нему, как к старому знакомому. — Товарищ Бекирова на дальних прудах. Она и поручила мне ознакомить вас с совхозом. Если вы не устали с дороги, идемте. Начнем с наших научных лабораторий в этом доме.

И краснощекая девушка повела Барышникова по этажам и залам.

Уже при этом первом, поверхностном осмотре Карась был поражен.

Вот кабинет с надписью «План тон». Здесь изучают микроскопический мир прудов. Большие стеклянные кубы с разводками, микроскопы, сложные аппараты... В стеклянных кубах выводят, размножают, питают, изучают жизнь и борьбу за существование маленьких обитателей воды. Рядом — «Аклиматизационная». Дальше — «Кабинет питания рыб», напротив — «Искусственного оплодотворения». Голубева объясняет:

— Мне приходилось слышать, что при устройстве каптажа Волги многие боялись за судьбу рыбы. Волгу замкнет плотина, и рыба некуда будет идти метать икру. Рыба погибнет. (страхи эти оказались неосновательными. Рыбе теперь совсем не приходится искать мест нереста, так как оплодотворение производится искусственно. А вам конечно известно, что искусственное оплодотворение происходит более полно, чем естественным путем. Мы теперь экспортируем оплодотворенную икру на аэропланах за тысячи километров, и она доходит благополучно до места назначения.)

Следующий кабинет: — «Санатория». Этого еще не хватало!

— Для служащих? — спросил Барышников.

— Нет, для рыб, — отвечает, улыбаясь, его краснощекая спутница. — Вы знаете, что рыбы также подвержены болезням. Многие рыбы страдают и умирают от паразитов. Некоторые передают этих паразитов людям.

— Щука передает солитера! — вставил Барышников.

— Иные рыбы гибнут от недостатка кислорода или от неподходящей пищи. Мы изучаем причины болезней рыб, даже лечим их, но главное — вырабатываем профилактические меры. Вот в этом аквариуме — большие угри. В их брюшной полости находятся аскариды и филариды. Мы уже на верном пути к тому, чтобы уничтожить этих паразитов. Интересен и следующий кабинет, где происходят опыты над скрещиванием...

Многое из того, что видел Барышников, было ему известно. Но какой размах, какая постановка дела!

Окончив осмотр дома, они вышли к прудам. Голубева показала Барышникову, как производится у них «облов».

Вода из пруда постепенно уходила в канал. Рыба собиралась по сборным канавам, сделанным на дне, в обловную яму с сетчатым ящиком. Ящик поднимался краном, и все содержимое пруда сразу оказывалось на поверхности. Рыба попадала на транспортеры, проходила через сортировочные столы и передавалась транспортерами, еще трепещущая, на консервные заводы, в холодильники и в длинные вагоны для экспорта.

Если бы сюда заглянул Глеб Калганов, он ничего не понял бы в этом „производстве“ с его подъемными механическими сетями, транспортерами, лабораториями, машинами... Но и Барышникову было чему удивляться.

Они перебрались на другую сторону озера, и Барышников заглянул в необычайный вагон для перевозки рыбы.

Целый маленький завод на колесах — с компрессорами, и гнетающими сжатый воздух для освежения воды в аквариумах, насосами для накачки воды, холодильными установками, подъемными кранами, баками для рыб, помещениями для служащих, кладовыми и даже кухней-столовой.

— При помощи жидкого воздуха мы понижаем температуру наших прудов, чтобы дать студеною воду форелям. У нас в каждом пруде — особая температура, регулируемая аппаратами, особый процент насыщенности воды кислородом, особый планктон. Для наблюдений за жизнью рыб на многих прудах имеются подводные камеры. Там вы еще успеете побывать.

Когда Барышников вышел на шоссе, у него голова кругом шла. Теперь он уже не хотел видеть Бекирова. Надо было раньше разобраться во впечатлениях и избрать новую тактику в обращении с нею. О генеральном сражении он уже не думал.

И надо же было случиться, что Бекирова обогнала их на своем длинном автомобиле, узнала Барышникова, задержала машину и предложила ему сесть с ней рядом у руля.

На этот раз она более дружелюбно встретилась с Карасем. Посмотрев на его растерянное лицо, она спросила:

— Ну, как вам понравилось?

— Признаюсь, я не ожидал... — ответил Карась, вздохнув.

— Разница между вашей системой и нашей заключается в том, — сказала она, — что вы ограничиваетесь подражанием „естественным“ условиям. Вы только копируете природу, а мы идем дальше. Мы заставляем природу работать на нас, по нашим указаниям и согласно с нашими требованиями и целями.

...В тот же день вечером Барышников писал председателю совхоза:

„Товарищ Салов! Я был старый осел и шляпа. Я видел здесь такие чудеса, какие и не снились старым рыболовам и рыбакам. Здесь рыбу не разводят, а буквально делают, как любой товар, по заказу потребителя, и все время улучшают „качество продукции“. Да, рыба перестала быть рыбой. Они тут чорт знает что делают с ней. Изменяют строение, форму, выводят почти бескостных рыб, вообще...“
Дальше шло длинейшее описание совхоза.

Солнце. Синь неба. Зной.

В золотой пшенице перекликаются перепела, квохчут дрохвы, жужжат пчелы, стрекочут кузнечики.

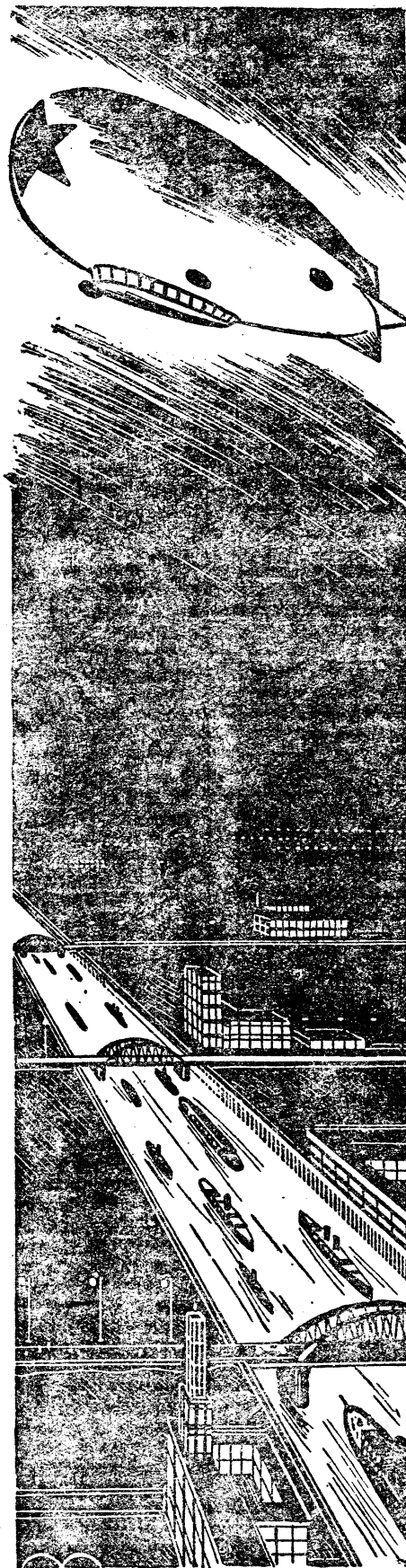
Над полями летят люди. Учебный полет дирижабля „Коминтерн“. Ветер попутный. Моторы выключены. Тихо проплывает низко над землей воздушный кит. Из кабины хорошо видно, как колышались широкими волнами колосья. Здесь когда-то бушевали волны Каспия. Теперь на осушенном дне морском растет пшеница.

Просторы золотых полей. Тишина. Проходят минуты. Летит дирижабль. Синяя тень дирижабля ложится на желто-золотистые поля.

Откуда-то издали послышался смутный шум, гул, уханье, лязг. Мотор? Поезд?..

На ровной поверхности янтарного моря показалась длинная полоса, словно кто прошел машинкой для стрижки волос по

густой шевелюре. В конце полосы ворочается черное чудовище с годнятым хоботом, быстро ползет по ниве, оставляя за собой вихрь пыли и разметанной соломой. И где проползло — как машинкой выстригло.

По каналу двигались пароходы и баржи.

Моторы на дирижабле заработали. Воздушный кит начал забирать высоту. Горизонт раздвинулся и как будто поднялся выше. Там и сям виднелись на полях тракторы и комбайны. Вдали показались ровный канал, по которому двигались пароходы и баржи.

Вот во что превратилась Волга ниже барража. С „печки“ нового волжского уровня суда спускаются по плузам и идут по этому каналу в Каспийское море.

Кажая суета на полях! Можно подумать, что идет сражение. Две армии с „пушками и танками“ движутся по обеим сторонам канала.

Да здесь и идет „бескровное“ сражение: социалистическое соревнование двух совхозов.

Из брошюры В. Куликова „На дне Каспия“.

„Два гигантские совхоза раскинулись на „бывшем“ дне морском по обе стороны Волго-канала. На правом берегу — совхоз имени тов. Сатинка, или Сатинка, и на левом — совхоз имени тов. Левшина, или Левшинка. Плодородный ил, нанесенный веками Волгой, не уступающий нильскому, дает неслыханные урожаи. Пласт ила так мощен, что миллиарды тонн его, без ущерба для совхозов, были сняты с поверхности и перевезены на скудные земли когда-то „потребляющей“ полосы.

Площадь совхозов и техническое вооружение почти одинаковы. И с самого основания Сатинка и Левшинка находятся в бесконечной войне соцсоревнования.

Впрочем история знает случаи, когда сатинцы и левшинцы заключали оборонительные союзы против общего врага. Так было например в первые годы их существования, когда южные, более низменные участки совхозов заливались морем: южный ветер гнал воду и затоплял нивы. Тогда сатинцы и левшинцы объединяли свои силы и бросались на водяного врага: возводили плотины. Но море давно укрощено. Вражеские волны разбиваются о бастионы плотин. Год за годом море уходит дальше. Плотины постепенно срываются, дно выравнивается. Тракторы и комбайны не любят неровностей почвы.

Сатинка и Левшинка бесспорно признаются лучшими совхозами в мире. Туда ежегодно приезжают тысячи иностранных товарищей, в особенности из аграрных стран, чтобы поучиться и использовать наш опыт для своих молодых совхозов“.

„Война“ — в двадцать часов.

Не было человека, от старшего агронома до судомойки, кто не принимал бы участия в обсуждении плана уборочной кампании. Воля масс сосредоточилась теперь в „штабе совхоза“. Оттуда расходятся приказы „главкома“ — старшего агронома.

„Обоз“ выехал с вечера — ровно в двадцать часов. Грузовики с лагерными палатками, походные кухни, амбулатории, летучие отряды РОККА, ремонттракторные бригады, автовагоны с электро- и радиостанциями, прожекторы, вагоны-цистерны с артезианской водой, переносные души, автоцистерны с горючим, кинопередвижки, грузовики с рабочими-иностранцами... Великое переселение народов...

(Окончание в след. №)

НА ГАЗЕТНЫХ БАРРИКАДАХ¹⁾

ПРЕССА МИРОВОЙ КОМСОМОЛИИ

М. Эльвин

Небольшой, но крепкий отряд боевых газет мирового комсомола возглавляется германской „Юнге гарде“.

В начале 1931 г. (газета вступила тогда в 13-й год своего существования) в одном из старейших печатных органов революционных масс Германии редакция объявила о предстоящем переходе с еженедельного на ежедневный выпуск. Сообщение это на практике не оправдалось. „Юнге гарде“ выходит теперь дважды в неделю, не отказываясь, впрочем, от своего обязательства, тем более, что темпы нарастающего революционного кризиса в Германии обгоняют газету, выходящую раз в три дня. Газета, желающая идти по горячим следам событий, чтобы комментарии этих событий стали боевой директивой, должна разговаривать со своими массами ежедневно, остро и немедленно реагируя на события, развертывающиеся в капиталистических странах, и ориентируя в них читателей.

„Юнге гарде“ германского комсомола и является такой газетой. И она будет ежедневной: этого добивается германская пролетарская молодежь, чей головной отряд, комсомол, насчитывает уже около сотни тысяч членов, оставив далеко позади себя социал-фашистское охвостье — соцсомол.

Оценить по достоинству „Юнге гарде“ можно, только сравнив ее с молодежной печатью врага. А надо сказать, что пожалуй нигде, ни в какой другой стране мира, исключая разве Италию, трудящаяся молодежь не является в такой мере предметом завоевательных маневров со стороны самых различных явных и замаскированных агентур буржуазии.

Храбрые на словах, бесильные скрыть трусость мысли, а тем более трусость дела, до последней степени зараженные гангреной социал-фашистского словоблудия, — таковы газеты Социалистического союза молодежи.

С этими изданиями, парализующими классовую энергию и сознательность, героически борется газета германского комсомола „Юнге гарде“. Борется и побеждает.

Тематика „Юнге гарде“ — это тематика героических будней германского комсомола, тематика народной революции в целом, тематика интернациональной солидарности и защиты отечества трудящихся — СССР.

Приведем примером ряд материалов, напечатанных в номерах „Юнге гарде“ за май — июль этого года.

Германская буржуазия выдвинула и собирается проводить в жизнь проект добровольно-принудительного труда для безработной молодежи. „Юнге гарде“ дает немедленно первую полосу с заголовками, набранными вперемежку красным и черным:

„Оружие для борьбы против Советского Союза: трудовая повинность и броненосец.“

Молодежь готова бороться против принудительного труда.“

И там же, рядом, передовая статья, озаглавленная „Потемкин“. Речь идет об одном из майских номеров, когда был спущен броненосный крейсер „Дейчланд“, статья заканчивается многозначительным напоминанием о роли „Потемкина“ и „Авроры“.

В дни краха Данатбанка, в черные дни германского капитализма, когда капиталисты задумали приостановить выдачу зарплат, „Юнге гарде“ зовет на своей первой полосе:

„Ни минуты ожидания заработка и пособий!“ „Отвечайте забастовкой!“

„Мобилизуйте силы для борьбы за советскую Германию!“

За заголовками следует соответствующий текст. И тут же на обороте сильная статья — „Что нам защищать?“

„Мы спрашиваем молодых рабочих на предприятиях, в бюро, в конторах, в деревне: укажите, что есть в Германии такого, что вам следовало бы защищать? Ваши нищенские заработки или хлеб, который у вас похищается? Или намерены вы защищать тех, кто изобретает все новые чрезвычайные законы против вас, все новые кризисы голода?“

И в заключение: „Наша борьба в защиту Советского Союза — это борьба за работу, хлеб и свободу. Каждая забастовка, каждая стачка против мероприятий фашизма — это борьба в защиту Советского Союза. Организация хозяйствен-

ных и политических массовых боев молодежи против ограбления зарплат и трудовой повинности — это решающее оружие, которым пролетарская молодежь располагает в борьбе с военной опасностью.“

„Юнге гарде“ отображает сдвиги в стане врага, откуда все интенсивнее растет тяга к комсомолу и компартии. „В то время как враг разлагается, мы идем вперед“, — так озаглавлена первая полоса номера от 17 апреля, где дается подборка материалов о разложении вражеских юношеских организаций. Здесь проводится призыв трех бывших гитлеровцев, членов штурмовых батальонов, следовавших за лейтенантом Шерингером, порвавшим с фашистами и перешедшим к коммунистам. Рядом — сообщение о едином стачечном фронте молодежи в Гамбурге через головы штрейкбрехеров, вождей соцсомла и других буржуазных агентур. А вслед затем снова целый ряд „заявлений“ бывших фашистов, бывших членов христианских организаций, соцсомла и т. д. о переходе в компартию. Вот выдержки из одного заявления:

„Мы, христианские молодые рабочие, настоящим заявляем о выходе из христианских организаций молодежи. Мы поняли, что политика партии центра и правительства Брюнинга — это политика предательства интересов трудящейся молодежи. Центр обнажает себя все более, как аппарат, расчищающий путь фашизму.“

Ничто не отделяет нас более от коммунистической молодежи. Мы видим и понимаем, что правительственная кампания против безбожного движения — это не что иное, как метод отвлечь внимание трудящегося населения от борьбы за непосредственные требования...“

„Юнге гарде“ борется за завоевание большинства.

„Юнге гарде“ разоблачает все проявления германского империализма и вооруженные силы внутренней контрреволюции, рассказывая о том, что формируются отряды фашистских корпусов из рядов „Стального шлема“, республиканского „Рейхсбаннера“ и Всегерманского комитета юношеских организаций.

„Юнге гарде“ организовано проводит подготовку к массовым кампаниям: к 1 Маю, к Международной детской неделе (комсомол — руководитель пионеров), к 1 августа.

„Юнге гарде“ часто пишет о Советском Союзе, о строительстве социализма, дает много фото. В своей регулярной стра-

¹⁾ Перепечатано из „Мол. гв.“.

Отряд красных фронтовиков на демонстрации

ничке „Фельетон“ (под этой рубрикой в немецкой прессе дается обычно литературно-художественный материал) вы находите чаще всего произведения советских, в большинстве — пролетарских писателей. Дается также пролетарский молодеж-

но, надо признать, „Юнге гарде“ еще слабо выдвигает литературные силы из многочисленной среды своих раб-
 коро- ЦО КПГ „Роте фане“ ведет в этом отношении значительно более углубленную и широкую работу.

L'Avan-Garde

Французский „Авангард“ принадлежит к числу так называемых легальных изданий комсомола. Но легальность эта — особого рода. Десятки работников этой газеты — комсомольцы, добровольные продавцы и распространители — знакомы с этой демократической „легальностью“ за тюремными решетками тюрьмы Сантэ. Злобу свою французские полицейские изливают на продавцов, на тех, кто доводит газету до рабочей молодежи. Но нужда учит. Выработаны особые методы распространения. В пролетарских районах Парижа и его окрестностях, да и в ряде других пунктов страны, возникли многочисленные комитеты защиты „Авангарда“.

В день выхода в свет очередного номера комитет собирается на самом бойком месте, скажем, на улице Афрон, в 20-м округе, у подземки. Трое ребят продают газету, четыре-пять стоят в некотором отдалении, в кафе, на тротуарах, наблюдая за продав-
 жей, готовые при первой тревоге действовать. Остальные товарищи стоят в различных пунктах, сообщая о прибли-

нии ажана (полицейского). Главный в группе отвечает за весь распорядок. Меры борьбы в случае необходимости сводятся к довольно примитивной потасовке с полицией, во время которой продавцы улетучиваются.

Проще обстоит дело с продажей непосредственно на территории фабрики и завода: туда полиция предпочитает не совать своего носа.

Впрочем...

Приведем сообщение „Авангарда“ от 16 мая 1931 г.

„Недавно в Нанси, на обувной фабрике Леви, социал-демократы раздавали на фабричном дворе свои листовки и свою печатную тряпку — и все это при самом благосклонном отношении двух агентов охранки (сюрте).“

В эту минуту один из наших товарищей проходил по улице, заложив обе руки в карманы. Он шел на работу.

Флики (агенты) долго не раздумывают: они арестуют нашего товарища и отводят его в участок, где обвиняют его в продаже „Авангарда“ у заводских ворот, и судья дает за это три недели ареста.

Трое или четверо фликов постоянно дежурят у входа и выхода фабрики, неизменно изodia в день. Но так же несомненно и то, что наша газета проникает всюду, под носом этих орликов“.

В основном во французских условиях относительной политической стабильности на данном отрезке времени „Авангард“ уделяет свое внимание преимущественно экономическим боям и экономическому положению работающего молодняка. „Авангард“ зовет к участию в политических битвах. Это сказывается и в том, что рабкорские письма, опять-таки в отличие от германских, по преимуществу не выходят за рамки экономических вопросов.

Зато „Авангард“ ни на минуту не забывает, что он выходит в самой милитаризованной стране

Европы — стране, откуда идут основные нити будущей анти-советской интервенции и будущей войны вообще. И „Авангард“ вступает в борьбу с французским империализмом: он делает ставку на революционную работу среди французских солдат, моряков и летчиков, этих военных по форме, но пролетариев и крестьян по существу. „Авангард“, выходящий один раз в семь дней, дополняет в этом отношении работу подпольных антимилитаристских ежемесячных изданий, как „Ла Казерн“ („Казарма“ — для солдат), „Жан ле Гуэн“ (орган моряков, называемый так по имени легендарного моряка-революционера) и „Авиате“ („Летчик“ — для воздухофлотцев), и отчасти сам ЦО „Юманите“, дающий довольно часто небольшой отдел „у солдат и моряков“.

15 июля 1931 г. датирован первый номер самой молодой из газет комсомола, мадридской „Хувентуд роха“ („Красная молодежь“). Ее родила революционная волна испанского пролетариата. Она пишет в своей передовой: „Хувентуд роха“ появляется в исключительных исторических условиях, она участвует в революционном процессе, развивающемся в стране. Она не видела героических боев

последних двух лет. Но не беда, молодые рабочие, видели эту борьбу и мы уверены, что революционные события, триумфы и поражения не прошли без пользы для „Хувентуд роха“.

Программа газеты кратка: завоевать рабочую и крестьянскую молодежь, толкать ее к участию в революционной борьбе, повести ее в бой против буржуазии.

Hail Sixth National Convention of the Y.C.L.

YOUNG WORKER

WEEKLY PUBLICATION OF YOUNG COMMUNIST LEAGUE OF U. S. A. BANNED BY THE U. S. GOVERNMENT FROM SECOND CLASS MAIL PRIVILEGES BECAUSE OF ITS FIGHT FOR THE INTERESTS OF THE YOUNG YOUTH.

Vol. 9 No. 18 MONDAY, JULY 14, 1941 PRICE 2 CENTS

YOUNG MINERS IN FRONT RANKS

В марте исполнится год с момента перехода органа американского КСМ „Юнг уоркер“ на еженедельный выпуск. Это явилось частью того поворота к массам, о котором говорил всемирный конгресс КИМ. Но очень скоро под титлом „Юнг уоркер“ появилась следующая замечательная ремарка:

„Еженедельное издание лиги юных коммунистов САСШ исключено правительством из числа изданий, пользующихся правами второго класса почтовой экспедиции, по той причине, что оно борется за интересы трудящейся молодежи“.

Это значит, что почта отказывается рассылать подписчикам эту газету и что работникам газеты приходится прибегать к особым средствам доставки ее подписчикам, к добровольному аппарату из рядов комсомола, к рассылке по повышенному тарифу, что ложится тяжелым бременем на скудный бюджет газеты.

Буржуазия питает к этой газете лютую ненависть.

„Юнг уоркер“ разбивает на голову все старые понятия и предрассудки, сковывающие и посеявшие классовую волю и энергию рабочего класса Америки.

Если линчевание негров осуждается либеральной буржуазной печатью северных штатов как варварство, „позорящее честь американского флага“ или что-нибудь в этом роде, то „Юнг уоркер“ вскрывает классовую природу линча как акта террора белых капиталистов по отношению к черным рабам. На примере девяти смертников в Скоттсборо „Юнг уоркер“, развернувший широкую кампанию, показывает это с большой убедительностью.

Где буржуазия прославляет национальный флаг, там „Юнг уоркер“ видит и показывает колониальный гнет, подготовку к интервенции не только против СССР, но и против разных малых вассальных государств (вроде Никарагуа); где прославляется мощь американской армии и

прекрасные условия в ней для нижних чинов, там „Юнг уоркер“ показывает грубое издевательство над личностью солдата и разоблачает это.

„Юнг уоркер“ не голословен и свои выводы подкрепляет письмами самих солдат или колониальных рабочих и рядом соответствующих материалов.

„Юнг уоркер“ — газета не только для рабочего и батрацкого фермерского молодняка. Одна из значительных заслуг газеты заключается в создании сети рабкоров и селькоров. На их многочисленных корреспонденциях и строит „Юнг уоркер“ всю систему своей пропаганды или иллюстрирует те основные политические положения и лозунги, которые ставит компартия Америки. В одном только номере, правда, увеличенном в размерах (первомайском), мы насчитываем 16 рабкоровских и селькоровских за-

меток, в том числе несколько таких остро-актуальных, как о забастовке горняков, где напряжение классовых боев достигает чрезвычайно высокой степени.

Из других регулярных отделов „Юнг уоркера“ отметим обязательную группу передовых статей (по примеру всех американских и английских газет), помещенных в середине номера и освещающих основные узловые моменты комсомольской и общепартийной политики. На той же странице передовой дается обычно обстоятельная статья, например „Классовые бои в Америке и комсомол“, „О работе и задачах комсомола“. Регулярно ведется отдел рецензий на книги, спектакли и кино, даются отрывки художественных произведений. Советский Союз, советский комсомол, социалистическое строительство дают чаще в фотографиях, нежели в тексте. Этого явно недостаточно.

Два отдела повторяются с исключительным постоянством: небольшой отдел мастерски отточенных остроумных заметок на злобу дня под общим названием „Сквозь красные очки“ и, разумеется, отдел спорта, которому уделяется не менее одной страницы, с титлом „Юнг уоркер спорт“.

SPORT PAGE YOUNG WORKER

Vol. 9 No. 18 MONDAY, JULY 14, 1941 PRICE 2 CENTS

Prohibit Spartakiade in Berlin

THOUSANDS OF WORKER ATHLETES PROTEST SOCIALIST EDICT THE CHAMP THATS WHAT THEY SAY LOOKIN AT THE

Об отделе „Сквозь красные очки“ дадим представление по следующему небольшому характерному примеру:

„Гробы и цветы. Правительство объявило о своем решении предоставить совершенно даром новый с иголочки американский флаг на гроб всех ветеранов мировой войны, которые только вздумают умереть.“

Если подумать минутку, то все получается ужасно просто и забавно. Они начали с того, что попытались убить этих ветеранов еще на полях Франции. Погибли не все. Тогда они решили уморить их голодом уже в своей Америке. Но, так как и это не дало достаточного эф-

фекта, то они напоминают всем ветеранам войны, что проблема их безработицы разрешается очень просто: удобной и почетной смертью с флагом на гробе.

Они, капиталисты, предпочитают скормить инвалидов-ветеранов червям, нежели кормить самих ветеранов-инвалидов. Впрочем черви имеют обыкновение выползать наружу, как глубоко их ни закапывать, а что касается ветеранов, то они, по видимому, начинают себе жалеть, что умирали вполне достаточно.

Спортивная страница очень обстоятельна и не лишена обычной классовой заостренности: буржуазный спорт Америки и других стран она разоблачает энергично.

Помимо названных четырех газет, мировой комсомол обладает еще рядом газет и журналов. В Англии выходит ежемесячный „Юнг уоркер“, такой же выходит в Канаде и в Австралии. Три комсомольских газеты выходят в скандинавских странах: „Стромклокан“ („Набат“) в Швеции и две газеты „Классовая борьба“ в Норвегии и Дании, в Греции — „Энеола“ (Молодежь). Несколько газет выходит (правда, нерегулярно) в странах латинской Америки: „Эстрелла Роха“ („Красная звезда“) в Монтевидео, „Хувентуд Коммуниста“ в Буэнос-Айресе.

Из других органов в Европе надо назвать еще газеты чехословацкого комсомола на немецком, чешском, венгерском и словацком языках, газету швейцарского комсомола „Юнге гарде“. Особняком стоит группа подпольных комсомольских изданий в Польше, Италии, на Балканах и в колониях, история которых написана кровью ее работников.

Эта группа печатных изданий окружена довольно значительным отрядом низовой печати, почти исключительно гектографированных листов, число которых измеряется сотнями.

Мы пытались показать в основном четыре разных газеты комсомола.

Несомненно, что в этих газетах еще много недостатков; некоторые из них показаны в настоящем очерке. Но что в лице этих изданий мировой комсомол имеет крепких бойцов — это несомненно.

Так же несомненно, что сила их действия была бы выше, если бы советский комсомол уделял им больше внимания, снабжая их хорошим, доброкачественным материалом о великой советской стройке.

ПОЛЯРНЫЙ РЕЙС

В. Орлов

Здесь море холодное. Скалы едва проросли зеленью. Эхо гулко ридается в расщелинах. Воздух прозрачный и ясный.

Выложенными в скалах деревянными дорожками спускаюсь к пристани и оглядываюсь назад.

На крутой, каменной косе, вдающейся в воды залива, расположена станция Мурманского отделения Гоинна (Государственного океанографического института).

Бревенчатые строения прилипли к скалам, как гнезда диковинных птиц. Глубокий фиорд. Кругом нависают мощные скалы.

Где-то сбоку взрывы. Люди отвоевывают у скал место под свое человеческое жилье.

У пристани герой дня — только что вернувшееся из рейса экспедиционно-исследовательское судно Мурманской биологической станции „Н. Книпович“. Завоевание Севера и освоение его огромных пространств стало нашей насущной задачей.

Все дальше и дальше на север проникают корабли, бороздящие воды под красным флагом Советского Союза.

Маленькое суденышко, чуть не моторный катер, „Книпович“ забирается до 82°01'. Маленькое суденышко, которое может быть легко установлено поперек ледокола „Красин“ от борта к борту, заходит дальше островов Фойна и Брока (около Северо-восточной Земли Шпицбергенского архипелага).

„Книпович“ хоть и мал, но складно скроен и хорошо шит. Все в нем чистенько, все блестит. Все хорошо пригнано и прилажено.

В задание рейса входило продолжение прошлогодних изысканий. Нужно хорошо разобраться в сложной системе течений Баренцева моря, в северной его части.

Немного кораблей заходило в этот район. Доступ сюда был затруднен льдами. В этом году условия плавания в полярных морях были более благоприятными и дали возможность „Книповичу“ проникнуть далеко на север. В этом районе исследования производились только случайно.

Уже раньше было обнаружено присутствие теплых вод между мысом Желания (на северной оконечности Новой Земли) и Шпицбергенским архипелагом. Наблюдалось также случайно присутствие теплых вод между островами Карла и Земли Александра (архипелаг Франца Иосифа, его западная часть).

По этим данным можно было предпо-

ложить в этих водах наличие какого-то отклонения Шпицбергенской ветви Гольфстрема (теплое течение, начинающееся в Мексиканском заливе и отепляющее северные окраины Европы). Обнаружить и точно исследовать это течение и было одной из задач „Книповича“. Это имеет большое прикладное промышленное значение. Указать зверобойным судам дорогу среди разводьев дальше на север к зверю (моржи, тюлени) — дело, которое сможет принести большую пользу.

„Книпович“ шел в молочных облаках тумана и вышел к острову Викторини (между Шпицбергенем и Землей Франца Иосифа).

Болезнь капитана. Старший помощник с величайшим напряжением воли, без смен и без отдыха ведет судно. Надо отдохнуть.

Судно ищет удобной стоянки и направляется к мысу Ниль (Земля Георга, архипелаг Франца Иосифа). Места не обитаемы, совершенно неисследованы. Зарисовываются берега для дальнейшего занесения на карты. Уже на основании этих работ можно вносить некоторые исправления в карты. Выясняется, что расстояние от мыса Пофлэй (З. Александры) до мыса Ниль (З. Георга) помечено неправильно. Ошибка равна 11 милям.

Эта работа способствует освоению берегов нашей далекой советской окраины. Советский Союз интересуется своими пока еще незаселенными землями и исследует их.

Дальше пошли на север, для ледовой разведки. Это входит в систематическую задачу исследования расположения кромки льда. Кромка льда каждый год меняет свои границы.

Первый крупно и мелко битый лед встретили на 8°57'. Лед — местного происхождения, снесенный с глетчеров, оторванный от берегов. Кромка льда шла удаляясь на северо-восток.

Наконец достигли точки 82°01'. Дальше идти очень рискованно. Это точка и так приближается к рекордной. Только два корабля заходили дальше: это — знаменитый наansenовский „Фрам“ и „Стелла Поляр“ — судно из экспедиции герцога Абрущкого. Маленькому „Книповичу“ принадлежит третье место по достижению северных широт. Для такого мало-мощного судна, как „Книпович“, эта точка является поистине удивительной и героической (вместимость „Книповича“ — 100 регистровых тонн, длина — 26 метров).

Повернули по кромке льда на юго-запад, шли, делая разрез для характеристики водоема этой части моря. В дальнейшем „Книпович“ по открытой воде

прошел по тому месту, где предполагалась нанесенная на карту земли Джиллиса. Земли нет, но начальник экспедиции на „Книповиче“ Ф. Е. Белов говорит, что окончательно отрицать существование земли Джиллиса он не берется. Дело в том, что в поднятых со дна трубках Экмана было обнаружено присутствие гравия, гравий же обнаруживается только у берегов и в океанских глубинах не встречается вовсе. Возможно, что где-то здесь и есть земля, но во всяком случае не на том месте, где она нанесена на карты.

Дальше корабль направился к островам Фойну и Брокку, около которых дрейфовала во льдах терпевшая бедствие группа Вильери из экспедиции Нобиле.

В этом году льда здесь нет, кругом — чистая вода. Понадется битый лед. Плавают громадные айсберги. Достигающие высоты четырехэтажного дома, рядом с которыми „Книпович“ казался ничтожной крупицей.

Встречали стада китов. До пяти фонтанов поднималось одновременно из океана.

Во время высадки на острове Брока сотрудники экспедиции обнаружили хорошо сохранившиеся ремни собачьей упряжки, скелет собаки, ногу оленя.

Нет сомнения, что упряжка принадлежала тем итальянским альпинистам, которые со стороны острова Брока безрезультатно пытались подать помощь группе Вильери и пытались дойти до ее стоянки. На острове Брока собирали минералы и измеряли площадь острова.

Дальше направились обратно к мысу Мэри Гармсуорт для проверки своих наблюдений.

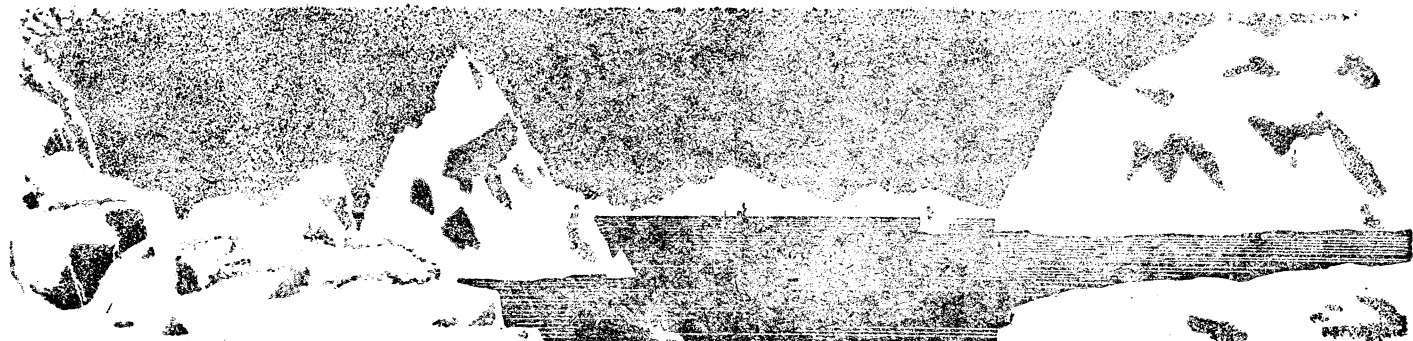
Условия плавания были плохие. За двадцать дней рейса ни разу по-настоящему не видели солнца. Шли все время в тумане. Атмосферические условия не позволяли делать точных вычислений по солнцу.

Вместо предполагавшихся 1500 миль, судно прошло 2-50.

Во время рейса была выпущена самая северная станция — „Норд“. Здесь же на корабле работали четыре хорошо оборудованные лаборатории. В поряке соревнования производилась обработка добытых во время рейса материалов, не дожидаясь возвращения на станцию.

Рейс „Книповича“ надо признать очень удачным.

Уж одно изучение берегов (определение местоположения отмеченных знаков, скалы, глетчеры, мысы) даст возможность составить более точные карты, которые облегчат плавание в этом районе.

МАХНОВЩИНА

М. Лизюков

рис. Г. Фитингофа

Несколько слов к редакции и читателям

В общежитии Военной академии РККА, в годы моей учебы, практиковались вечера воспоминаний...

Это были простые товарищеские встречи по комнатам накануне выходных дней.

Придет это ко мне, бывало, комбриг Деттель, комполка Бобков или начштаба кавполка Иванюк, сядут за шахматы, ход за ходом, слово за слово — и пойдут разговоры...

Темами наших разговоров обычно были эпизоды гражданской войны. Каждый из нас был ее участником, и запас материала для этих разговоров у каждого из нас был большой.

Кто дрался с колчаковцами, кто воевал против Деникина и Врангеля, кто с партизанскими бандами махновцев...

И у каждого рассказчика встречались в жизни такие случаи, когда смерть смотрела в глаза... Поэтому каждый из нас был рассказчиком занимательным, передавал все подробно, переживая, и иллюстрировал свои рассказы действительными районами местности и собственными именами.

"Махновщина" — была, поведанная нам тов. Иванюком, я записал ее почти дословно и проверил по черновым наброскам его дневника. Чтобы передать содержание повести возможно точнее, пусть говорит сам рассказчик.

Итак — слово тов. Иванюку...

Добив Колчака, к концу 1919 г. наш полк Червоных казаков был перебросен командованием на Украину, где в это время были организованы дезертирами банды зеленых. Однако в Киевщине застояться не пришлось...

В мае нас неожиданно погрузили на эшелонах, горнист дал сбор, и мы покатили на фронт.

Была в полном разгаре весна... Осыпались белым пухом цветы вишневые сады. В раскрытые настежь двери и окна вагонов бежали навстречу вереницы деревень и сел, сменялись станции за станциями в сирени и черемухе.

На больших станциях наш эшелон делал привалы. К нам подходили делегации от рабочих...

— Товарищи! Встретьте врагов с должным отпором! Грудью за завоевания Октября! — напутствовали они нас...

Так, от станции к станции, от часа к часу, к вечеру вторых суток мы были на станции Фастов. Оттуда ночью наш эшелон повернул на юг.

А еще через час поезд среди голого поля остановился, нас высадили и выстроили... Перед строем появился военный комиссар и коротко объяснил обстановку положения:

Перед нами — Деникин. В тылу начинает шутить Махно... Пока еще с Красной армией не порвал, но к этому врагу и может стать нашим врагом каждую минуту... Надо быть готовым драться на два фронта.

Сразу же, с места выгрузки, командир полка организовал разведку, в которую назначили наш первый эскадрон...

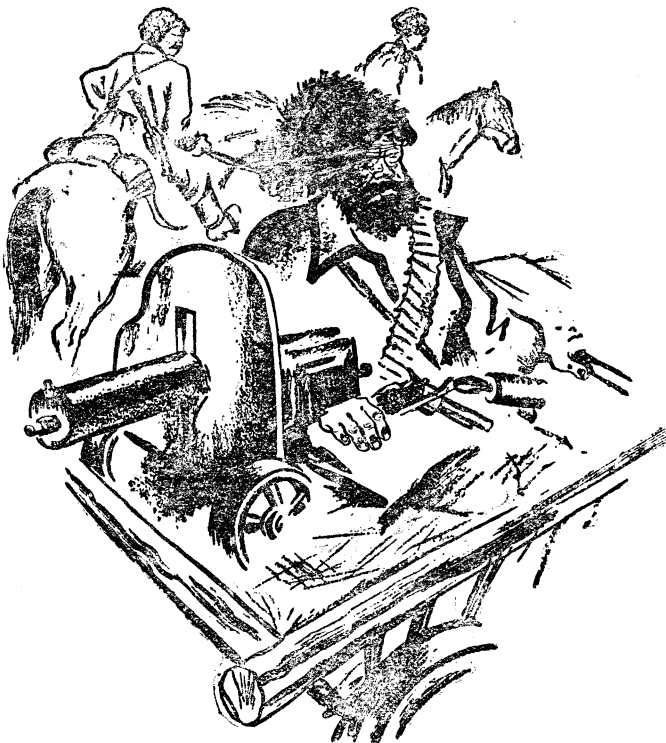
Я был назначен старшим головного разъезда. Приказ был таков: "следя впереди своего взвода, наблюдать за возможным появлением противника и по обнаружении такового, не принимая боя, немедленно доносить, отвешая на вопросы — кого встретил, где, когда и при каких обстоятельствах..." Одновременно мне было приказано "задерживаться накоротко во всех встречающихся по пути хуторах и деревнях и проверять настроения местных жителей, чтобы представить себе его настоящее

отношение к нам; при явной враждебности к Красной армии немедленно сообщать..."

Обозгвав задачу, я выслал вперед двоих дозорных и с оставшимися двинул за ними... Застоявшиеся в вагонах лошади взяли резвую рысь, и через несколько минут мы выехали далеко вперед своего эскадрона...

Не легкая задача — быть старшим в разведке. Разведка должна быть точной, надежной, непрерывной, доставлять добытые сведения своему начальнику своевременно и аккуратно...

Мы ехали молча, вели зоркое наблюдение и все время следили за идущими впереди нас дозорами... Полученные от командования указания и советы соблюдали строго... Во встречающихся населенных пунктах на минуту останавливались, поили лошадей, кой-чем подкреплялись сами и на этих коротких привалах беседовали с крестьянами...

— Я есть батько Правда!

Расспрашивали насчет имеющихся в деревнях заразных болезней, узнавали, сможет ли эскадрон, в случае остановки, получить людям квартиры и продовольствие, артиллерии — хорошее укрытие от авиации белых, лошадям — фураж...

Проехав верст двадцать пять, все эти сведения я отправил со специальным нарочным в эскадрон.

К полдню, когда солнце уже выкатилось на середину неба и палило всем своим жаром, а мы сделали добрых полсотни верст, наши дозорные заметили впереди несущийся навстречу столб пыли. Погода была тихая, безветренная, и мы сообразили, что кто-то едет. Свернули за ближайший хутор и изготовились к бою... Всмотрелись...

Из-за пали вырисовываются силуэты всадников... Вот порывались с нашим дозором... Переговариваются... Наш дозор присоединяется, и все поворачиваются на нас...

"Свои..." — подумал я и вывел свой разъезд из засады... Мы встретились...

В запряженной тройкой лихих коней пулеметной тачанке сидел небрежно развалившийся, вооруженный двумя наганами и обвешанный бомбами, пожилой широкоплечий мужчина... Его сопровождали два кавалериста, вооруженные обрезам карбинов.

— Здорово, братва! — приветствовал нас сидевший в тачанке.

— С кем имею? — спросил я, раскланявшись.

— Я?.. Я есть батька Правда, заместитель атамана и батьки Махно, — бросил он небрежно в ответ и попросил закурить.

Я вынул из кармана кисет с махоркой, бумагу и спички, передал их батьке...

Пока тот вертел папиросу, я мог рассмотреть его подробнее.

Особенным, на что я сразу обратил внимание, было то, что он был инвалидом. От длинного, богатырски широкого туловища, вместо ног, торчали короткие обрубки прикрытых брезентом костей.

— Давно уже нет!.. Поездом отняло, — объяснил он, заметив мое смущение. Потом, очевидно чтобы переменить начавшийся, неприятный для себя разговор, он спросил — куда мы едем.

— Поесть ищем!.. — сомгал я умышленно, помня, что в боевой обстановке первому встречному правду говорить не рекомендуется. Мы раскланялись.

— Бери маршрут на Пологи!.. Там сейчас батько Махно, и голодать не будет!.. донеслось к нам с уносящейся тачанки.

— В Пологи! — приказал я своим разведчикам. "И сейчас же донести командиру эскадрона о встрече с батькой Правдой!" — решил про себя.

Быстро написал коротенький, но ясный доклад и срочно направил его комвзвода...

Через несколько часов посланный красноармеец вернулся и, нагнав нас почти у самого въезда в Пологи, передал мне пакет с приказанием.

"Командиру 1 взвода,
Копия н-ку разъезда № 1

1919 г. 17/V 15 час.
24 мин. из д. Ромен.

Карта 2 версты в 1 дм.
Ряд... Листы... (имеющ. на руках).

Сведения о встрече с батькой Правдой получил. Для нас это

ценно. Продолжайте движение на Пологи. Разыщите штаб Махно. Пока он еще с нами. Попытайтесь прощупать настроение его тыла (местн. жителей). Прочитавши записку, сейчас же сожгите. Комэска К. Фадеев*.

Чтобы хорошенько все сообразить, я прочел записку несколько раз, потом вынул спички и сжег ее. Еще через несколько минут мой разъезд въехал в Пологи.

Пологи жило фронтовой обстановкой... По дворам и улицам раскинулись санитарные палатки, между которыми мелькали белые халаты врачей, санитаров и сестер милосердия. Потрясающий воздух матерщиной, спешили группы кавалеристов, пулеметные тачанки и отдельные орудия.

Воспользовавшись такой неразберихой махновского тыла, я сразу принял решение. Оставив своих товарищей у первого колодца поить лошадей, завернул в ближайшую санитарную палатку и заявил принимающему больных санитару, что нездоров.

Через минуту вошла сестра. Не спрашивая, кто я и откуда, она сунула мне подмышку термометр и занялась другими больными. Рядом со мною сидели легко раненные и больные махновцы и делились между собою впечатлениями... Говорили безответственно-откровенно.

Уловив подходящий момент, я вмешался в разговор и выяснил, что утром этого дня, верстах в пятнадцати от Пологов, махновцы держали бой с Деникиным, проиграли его и принуждены были отступить...

— Как силы у белых, большие? — попытался я расспросить.

— Ни то б, чтоб большие, а ядовитые, да и настроения не было у нашей братвы драться... Сам батько Махно не приезжал даже на фронт, да, — объяснил мне сосед.

— Что же это он так вдруг? — заинтересовался я.

— Да с красными не договорился!.. Они наступления требуют и в тыл к Деникину идти приказывают, ну, а батько Махно и сам приказывать не хуже других мастер, своя голова крепко на плечах посажена...

— И из-за этого обиделся? — удивился я вслух.

— Да, атаман сердит и недоволен и, кажется, хочет совсем уйти от красных, — уверенно ответил мне махновец.

— Неужели ему ближе белогвардейцы Деникина, чем Красная армия?

— Нет... Оставив Красную армию, Махно к Деникину не пойдет... Просто возьмет отставку, отпуск...

— Не будет этого! Махно ведь — союзник Красной армии и командир ее дивизии! — возмутился я.

— Поживем, увидим, вспомнишь, что говорит тебе батько Клен, — вспыхнул мой собеседник.

Чтобы дальше не бесить махновца, я сделал задумчивое лицо, замолчал и вспомнил о термометре. Сестра заметила мои движения и подошла, 37,6°.

— Ничего у тебя особенного, просто устал парень... Хвати половинку, закуси, выпсишь, и все как рукой снимет! — улыбнулась она.

Мне в околоте делать было нечего, и я вышел. В несколько минут собрал разведчиков и поскакал навстречу эскадрону.

Передаваемые мною комэска сведения скоро подтвердились. На следующий же день, подходя к Пологам, наш полк встретил там уже не махновцев, а деникинцев, которые встретили нас отчаянным

боем. Правда, после короткой схватки белые были нами отброшены, однако победа наша была не долгой. К деникинцам подошли подкрепления, и бои за Пологи затянулись на несколько дней.

Произошло же следующее: Махно оставил командование своей дивизией и, бросив ее на произвол судьбы, с отрядом своих телохранителей в 65 кавалеристов с двумя пулеметными тачанками, выехал отдыхать на ближайшие к Пологам хутора. Деникин это обстоятельство учел, поднажал и, прорвав фронт, принудил нас к отступлению.

Узнав о происшедшем, наше командование приказало начальнику штаба полка Червоных казаков найти Махно и в личной беседе с ним выяснить, что он намерен делать дальше.

Начштаба товарищ Иванов взял с собой несколько разведчиков, в число которых попал и я; особый отдел дивизии дал нам сведения о месте пребывания атамана, и мы выехали.

Ехать надо было недалеко, верст пятнадцать, но наши лошади в непрерывных боях достаточно устали, и, чтобы их окончательно не измотать, мы взяли переменный аллор.

Мы застали батьку Махно там, где он должен был быть, но видеть его таким, каким он нам встретился, никак не ожидали. Небольшого роста человек, с широким, рябым от черной оспы лицом, с черными как смоль, густо зачесанными назад волосами, с такими же черными, горящими самоуверенной дерзостью гла-

зами, вдребезги пьяный, с маузером в руке, охотился он за девками.

Ясно, что нам с Махно ни о чем договориться не удалось.

— Товарищ Махно! Я — начальник штаба кавалерийского полка Червоных казаков и имею к вам поручение от своего командования, — попробовал начать разговор с атаманом тов. Иванов.

— К черту товарищей всех!.. Батько я, а не товарищ! — перебил его Махно и брызнул в небо пьяным смехом.

— Прррраавильно, батько! Долой всех переговорщиков! — загудели за ним его охранники и окружили нас кольцом.

— Может быть разрешите заехать к вам завтра? — решил разрядить обстановку наш начальник штаба.

— Ни сегодня, ни завтра, и никогда, вот мой ответ и тебе и тем, кто тебя ко мне командировал! — крикнул в ответ Махно и, выругавшись, повернул в ближайшую избу.

— Слушаю... Так и доложу... — замылся наш начальник.

Так ни с чем мы и расстались.

Потрясенное большими неудачами у Пологов, наше командование приняло тяжелое решение отойти за Днепр и, в работе по организации предстоящего большого отхода войск, про Махно забыло.

И только за Днепром вопрос о Махно стал опять в повестке работы штаба нашей армии. Дело в том, что за Днепр отошел вместе с нами и Махно, но отошел ни от кого независимо и для того, чтобы, пользуясь создавшимся у нас замешательством, стать врагом Красной армии.

В один из следующих дней пропали без вести командир нашей бригады, военком бригады и несколько курсантов. Через несколько часов мы нашли их в одном из оврагов расстрелянными. Это страшное событие сразу подняло всех на ноги. Начались поиски, разведка, пошла в дело тайная агентура. Чрезвычайной комиссии и Особого отдела, и дело раскрылось. Убийцами были агенты Махно, влившись по его указанию в части нашей дивизии в виде добровольцев.

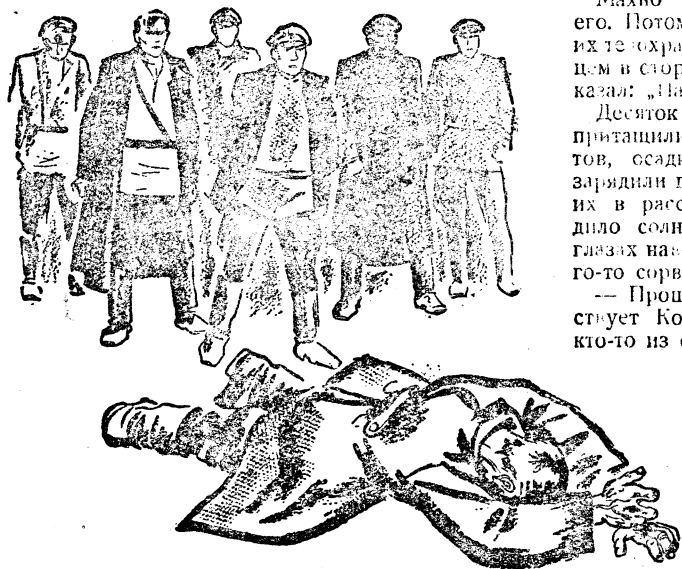
Арестованные махновцы под угрозой расстрела вынуждены были признаться, что они действовали по непосредственному и личному приказанию своего атамана, который, желая подчинить себе части Красной армии, начал с того, что решил отнять у нее ее мозг — командный и политический состав.

Узнав об этом, командующий нашей дивизией, тов. Дыбенко, объявил Махно вне закона и организовал его поиски. По всем направлениям были направлены карательные отряды и опубликованы воззвания к местному населению, призывающие его к помощи в борьбе против бандита.

Однако все это результатов не дало. Местное население, боясь мести махновцев, молчало, а карательные отряды имели в своем составе много махновских агентов, и предупреждаемый ими Махно всякий раз уходил из-под удара.

Долго ли пришлось бы нам колесить так за Махно — неизвестно, да деникинцы помешали... Сильным ударом на Екатеринослав они захватили город, форсировали реку Днепр и принудили нас отступать дальше. Погоня за Махно прекратилась, карательные отряды свернулись, и мы потянулись к Кривому Рогу, где из тыла к нам должны были подойти резервы...

Ясно, что всякое отступление, как и вообще всякая неудача, подрывает дух и убивает настроение. Воспользовались

махновцы таким положением и ну агитировать. Особенно тех, кто был из местных жителей и, отступая, оставлял родину.

— На что вам, братва, революция большевистская слалась, ежели батько Махно свою республику на Екатеринославщине и по в ему Запорожью организовать собирается, зачем же отступать и родину врагам на шю звол отдавать!?

Когда наши части отошли за реку Новый Буг, махновцы пришли к выводу, что пора действовать... По заранее намеченному плану, они одновременно подняли восстание во всей нашей бригаде, ночью, сия ими арестовали весь командно-политический состав, всех коммунистов и два полка пехоты, полк конницы и артиллерию, подняли черные знамя.

Батько Махно торжествовал... Его тайные замыслы начали осуществляться рано утром начала расправа. Всех нас выстроили, и, держа в каждой руке по револьверу, перед строем появился атаман восставшей банды, сам Махно...

— Командиры, комиссары и коммунисты, три шага вперед! — приказал он выстроившимся.

Несколько человек вышли и сомкнулись...

— Кляннитесь служить анархии, и вы останетесь жить! — предложил он.

— Мы служим организованному рабочему классу и революции! — вышел из строя неизвестный мне командир.

— Таааааа! — пропел сквозь зубы Махно; грянул выстрел, и молодой краском свалился... Однако через минуту он поднялся, Махно прострелил ему щеку. Кровь струилась по его лицу и густыми каплями падала на грудь...

— Живуч! — прицелился в него опять Махно.

— Всех не перестреляешь! — бросил ему в ответ, захлебываясь кровью, раненый.

— Ха-ха! — искусственно засмеялся Махно и снова вынул курок. Краском открыл рот, желая что-то ответить, но в эту минуту блеснул огонь второго выстрела, и он опять повалился. На этот раз Махно не промахнулся; пуля попала прямо в сердце расстрелянного.

— Именики!.. Банити!.. Расстреливай, пока сам не попадешь в руки революционного правосудия! — выскочил с пеной у рта и со сжатыми кулаками из группы смертников политрук нашего эскадрона.

Махно молча расстрелял и его. Потом подозвал двух своих телохранителей и, ткнув пальцем в сторону оставшихся, приказал: «Ничкой тсех!».

Десяток прытких махновцев притащили несколько пулеметов, осадили всех от дороги, зарядили пулеметы и направили их в расстреливаемых... Выходило солнце... У некоторых на глазах навернулись слезы, у кого-то сорвались рыдания.

— Прощай, жизнью!.. Да здравствует Коммуна!.. — выкрикнул кто-то из обреченных. Затрещали пулеметы. Через

мгновение все кончилось... Только кинулись в подергивания отдельных товарищей в течение нескольких минут обнаружива и остатки жизни — двадцати коммунистов...

Упавшись рас-

стрелом наших командиров и политработников, Махно перешел к штырям рядовых красноармейцев.

— Казаки! Украинцы! Ко мне! Пять шагов вперед марш! — командовал он на украинском языке.

Таких у нас было много. Обманутые махновскими агентами и запуганные его страшной расправой с нашими командирами, они все вышли. Нас, не украинцев, осталось стоять не больше как сотни две.

— За волю атаманщину! Хай живе Анархия!.. Уррааа! крикнул им Махно

— Хай живе! Урраа! подхватили те, и мы поняли, что и ши вечерашние друзья и боевые товарищи пошли за Махно.

Махно самодовольно улыбнулся и в сопровождении нескольких своих сотрудников направился к нам.

— А, кадр красных?.. В сараи их! — приказал он ближайшему к нему широкоплечему и рослому бандиту, в котором я сразу же узнал батьку Касна, моего собеседника по околотку в Пологах, где я с ним встретился во время разведки.

Касна передал это распоряжение Махно своим подчиненным, и нас, разбив на группы, повели в разные стороны.

Часа через три наша группа подошла к железной дороге, где мы стали свидетелями еще одной жуткой картины разгрома махновщины. Путем провокации махновцы захватили наш бронепоезд и всех бронепоездников расстреляли. Не имея среди себя специалистов для дальнейшего обслуживания бронепоезда, махновцы на наших глазах его взорвали и остатки его свернули подоткос железнодорожного полотна, на туны расстрелянных ими броневиков... Стальные плиты сделались их могильными надгробиями.

После короткого привала у железной дороги нас развели по ближайшим деревням и заперли в сарай.

— Блюди строго! Ворон не лови, чтоб сам на их место не сел, завтра на допрос поведут! — получил наказ от выдающего приставленный к нашему сараю махновец, едва мы успели туда войти.

— У, бисови гади!.. Ни бегуты!.. Нам по привычке!.. — усюк на тот свего начальника и, проверив задвижку сарая, зашагал перед воротами.

— Бежать надо, товарищи! — предложил я, когда на землю спустилась ночь, но, потрясенные переживаниями уходящего дня, друзья меня не поддержали.

— Бежать!.. Бежать во что бы то ни стало!.. — решил тогда я сам про себя и сразу же принял решение.

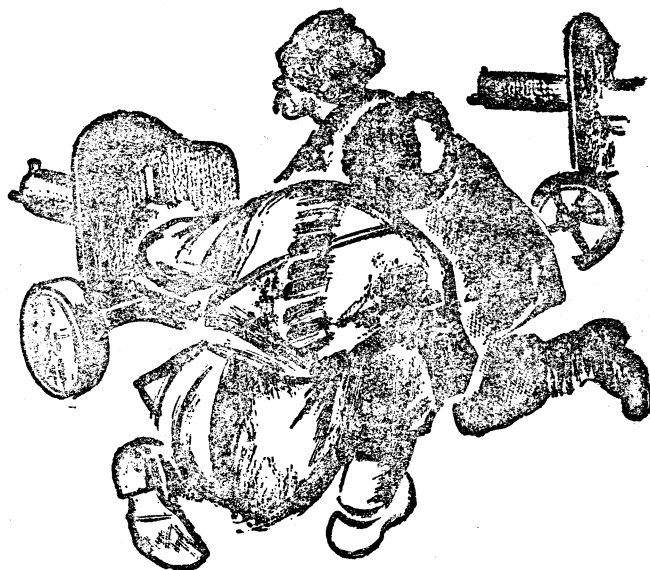
Когда пропели первые петухи, я постучал в двери сарая.

— Что там, бисови гали? — растревожился под сонный часовой.

— Братиш а, выпусти до ветру, так что расстройство желудочное у меня получилось! — объяснил я.

— Валий, где стоишь! — огрызнулся часовой.

— А ты человек али собака какой? Где это ты видел, чтобы люди под себя

Зарядили и направили на расстреливаемых.

ходили? Собака и та, как разумное существо, знает себе место, а я — человек ведь и по-человечески прошу тебя, чтобы ты понял... Да еще по невинности попал сюда!.. После допроса сам завтра узнаешь, — не смутился я.

— Чего упорствуешь? — насторожился часовой.

— До ветру, говорю, пусти, потому человек я, а не собака!

— Оно ясно, что не собака! — решил часовой и открыл сарай.

Сарай, в котором мы были заперты, стоял в густом саду, который одной своей половинной примыкал к жилым постройкам деревни, а вторая его половина впадалась далеко в поле. Это я успел рассмотреть еще до того, как нас посадили на замок.

Как только часовой на минуту потерял меня с глаз, я был таков... Минут тридцать я бежал как можно быстрее, потом, когда добежал до ближайших полос ржи и деревня скрылась с глаз, я позволил себе сделать маленький привал и начал обдумывать положение.

Я знал, что красные были в Николаевске, и если бы все было спокойно, так

добраться туда совсем легко. Но известная мне дорога на этот раз была опасной, потому что кругом бушевали банды Махно. Обдумав это, я решил придерживаться железной дороги.

Ночь была тихая, звездная... Легкий ветерок, пропитанный запахом цветов и деревьев, гладил лицо, шею и руки, освещая луну, и заставлял дышать полной грудью, подбодрял и злило сердце.

Я воодушевился и повернул свою судьбу навстречу неизвестности... Какой длинной показалась мне эта ночь.

Где рождался бы, шел быстрее и смелее... А где поле сжато или под паром, пробираясь ползком. Сколько раз пригибался к земле, каждый пенек в страхе бросил.

На рассвете я набрал на одежный хутор. Это мне напомнило, что я вторые сутки голодаю: рискуя нарваться на разбег махновцев, я подошел к окну. Постучал. Тишина. Еще раз постучал. Никто опять не ответил.

Ну, и везет же мне!

Вдруг окно распахнулось, и седая голова старика повернулась в мою сторону...

— Кто, товарищ, али из наших будешь? — остановил он меня вопросом.

— Читай кем хочешь, мне от этого не легче! Я просто голоден и прошу есть, — объяснил я.

На минуточку он отошел от окна, и я услышал, как он с кем-то перекинулся парой фраз. По окончании из того же окна показались молодая женщина и подала мне пару пирогов с горохом.

— Спасибо, милая! — поблагодарил я ее искренно и повернул ошейник в поле.

— Ох, измаялся видно, бедняк, — услышал я на прощанье, но так и не оглянувшись, и без этого на сердце было больно. Добравшись до первой колоды, засеянной ячменем, я присел и решил утолить голод...

Небо вспыхнуло светом солнца... Мое полуженское стало много светлее, потому что теперь я мог быть замечен издалека...

Одну из увеличенной опасности роста надежда и на спасение, — на горизонте, верстах в пяти, показался Николаевск...

— Эх, чему быть, тому не миновать, — решил я вслух и в открытую, по полю взял прямое направление на маяющийся силуэт города...

Бежал, пока не заметил впереди бивакующей обложки. Боясь нарваться на противника, залег в подсол ухи, припрятанной. Решив понаблюдать... Подполз по подсолухам. Пислушиваться начал. Слышу — белых ругают... Приподнялся... Всмотрелся...

— Мотю. Обозники с красноармейскими звездами...

— Братцы! Братцы! — вырвалось у меня с радости, и я выскочил из засады.

Это были обозы отходящих частей Крымской дивизии.

Добравшись с ними до Николаева, я нашел штаб дивизии и явился к начальнику.

Штаб готовился к отходу... Об измене Махно и о переходе на его сторону целой бригады там не знали и услышали это впервые от меня.

Я был первым из тех, кто принес им эту печальную новость.

Начальник штаба все рассказанное мною записал, справился о моем самочувствии и любезно предложил мне самому выбрать любую часть.

— Опять в конницу, товарищ начальник, — попросил я.

— В конницу, так в конницу!.. Поедешь в Киев. Там новые части формируются, полезен будешь... — решил он прямо и приказал строевому отделу готовить мне литер на Киев.

(Продолжение следует)

ДВА РАВНО ВОСЬМИ

Отто Люин

Рис. А. Любимова

Рассказ "Два равно восьми" принадлежит перу революционного писателя Норвегии, Отто Люина. Он представляет собой жестокую издевку над непреодолимым бюрократизмом правительственного аппарата в буржуазной Норвегии и над заплесневелыми нравами провинциального города.

Самое скверное в этом рассказе — то, что не я его сочинил. Часть рассказа мне Фредриксен, а в архивах некоего министерства я нашел кое-что, послужившее к дальнейшему углублению вопроса.

Все начинается совершенно невинно с полицейского Хансена в Фредриксхалде. У него был сын Эдвард, двенадцати лет. Эдвард был ни лучше ни хуже, чем обычно бывают сыновья полицейских, и был он как раз в том возрасте, когда мальчишки начинают собирать кроликов, голубей, мар-и или предаются тайному курению папирос за стеной с южной стороны крепости Фредрикста. Эдвард принадлежал к собиравшим кроликов. Он держал их в двух ящиках, поставленных друг на друга рядом с черной лестницей. Все это пока что вполне законно и ничуть не удивительно. Даже и то, что мать Эдварда родилась в шведском городе Стромстаде и ее родители все еще жили там, тоже ничуть не является подозрительным, поскольку мы не воюем со Швецией.

Это все — лишь предварительные пояснительные сведения. Сами же исторические события начинают развиваться лишь с того времени, когда Эдвардова мамаша уезжает к своим родителям в Стромстад. Возвращаясь домой, она везет в подарок Эдварду от дедушки двух кроликов, посаженных, как полагается, в ящик с сеткой и с капустными листьями в качестве дорожного провианта.

В Фредриксхалде мамашу встречает исполненный приятных ожиданий Эдвард, и папаша Хансен, находящийся на вокзале при исполнении служебных обязанностей, оглачивается только поспешным приветом.

Мамаша и Эдвард идут в багажное отделение за кроликами. Какой-то железнодорожник указывает, что кролики, как прибывшие из заграничья, сначала должны пройти таможенно. «Но, — добавляет он любезно, — это займет не много времени».

Они обращаются в таможенную контору; Фредриксен, который был дежурным, очень предупредителен.

— Сейчас, сударыня. Все будет сделано мигом, пустая формальность. Не думаю, чтобы на кроликов была пошлина, — горит он, раскрывая книгу. — Н-да, действительно. Двадцать пять эре пошлины на живых кроликов. Ну что ж, ведь это выйдет не так уж много. Пойдите, сколько же их? — Фредриксен заглядывает в сетку ящика, который стоит за прилавком.

— Только два, — говорит фру Хансен.

— Два? — говорит Фредриксен. — Два? Нет, здесь целых восемь. Значит платите, пожалуйста, две кроны.

— Как вы скажете? — восклицает фру Хансен. Восемь? Тут должно быть ошибка. — Она глядит на квитанцию, которую ей выдали в Стромстаде. Здесь совершенно ясно сказано: ящик с двумя кроликами. — С триумфом она вручает Фредриксену бумажку и не может удержаться: — Раненько же у вас, Фредриксен, в глазах двоится и четверится.

— Приде, жите-ка язык, фру Хансен, — сказал он. — От, посмотрите, восемь кроликов, две кроны пошлины.

Он швыряет на прилавок ящик, и фру Хансен с Эдвардом с волнением заглядывают в него.

— Ара, — кричит Эдвард. — У них родились дети!

Так это и было. По дороге из Стромстада в Фредриксхалд госпожа кроликов разглядела шесть розовых крольчат.

— Поумаешь, — говорит фру Хансен. — И всего-то только шесть новорожденных крольчат. Я плачу за двух взрослых. Получите пятьдесят эре.

Фредриксен напустил на себя официальный вид.

— В таможенном тарифе ничего, совершенно ничего не сказано, чтобы крольчата освобождались от пошлины. Двадцать пять эре штука и за малых и за больших.

Тут уж фру Хансен не могла позволить, чтобы ее припирали к стене какой-то негодяй таможенник.

— Послушайте-ка, Фредриксен: раз здесь стоит, что я сдала ящик с двумя кроликами в Стромстаде, то я и желаю получить ящик с двумя кроликами.

— Как хотите, — ответил Фредриксен, который привык, что все становится отворачиваться от пошлины. — Я могу прикончить крольчат. Тогда получите своих двух кроликов.

Но тут запротестовал Эдвард. Прикончить крольчат? Кролики детей? Никогда! И он прикрыл обеими руками ящик, так как Фредриксен демонстративно приблизился, как бы желая привести в исполнение свое намерение. Эдвард чуть не закричал от ужаса. И материнское сердце фру Хансен,обычно довольно флегматичное по отношению к чувствам Эдварда, заорело в мощный порыв в защиту своего дитя.

Оставшиеся Эдвардовы кролики. Посмейте только тронуть Эдвардовы кролики, так вы узнаете, кто такой полицейский Хансен, помните мое слово.

И словно по велению какого-то чуда полицейский Хансен появился в дверях со словами:

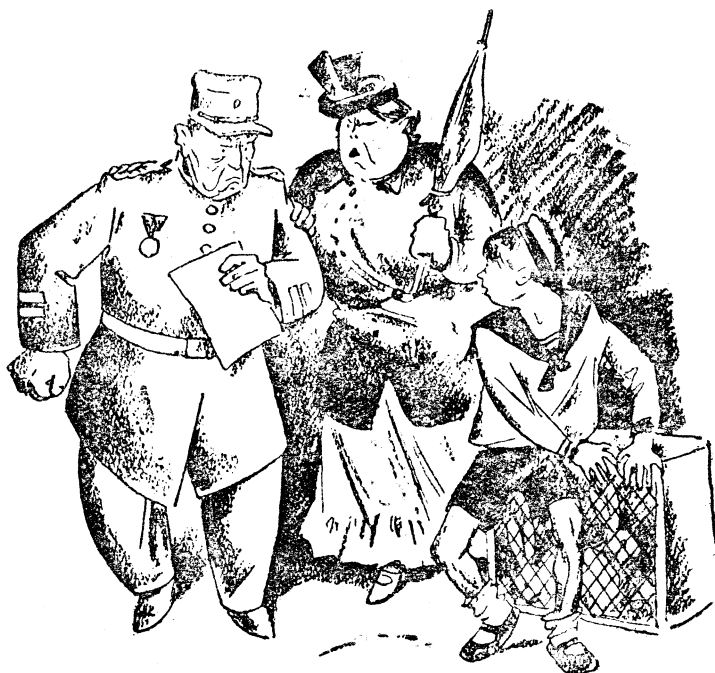
— Ну-с, куда вы пропади?

Фру Хансен не преминула объяснить ему пожелание сестры и добавила:

— Ты ведь — полицейский, уйми же этого негодяя-таможенника.

Но Хансен — человек хладнокровный, хотя он и считал до жгучим поддерживать достоинство полиции. Он исследует подробно и по-полицейски квитанцию, которую выдали его жене в Стромстаде. Он рассматривает ее на свет, с овно для того чтобы убедиться, что никто не подделал номерки и не вписал вместо того двойки.

— Н-да. Квитанция действительно, — говорит он. Затем старательно изучает таможенный тариф, который подал ему Фредриксен. Перелистывает несколько страниц, потом возвращается обратно, словно для того чтобы узнать, не скрыл ли Фредриксен какого-либо исключения из общих правил, заглядывает с серьезным

Придержите-ка язык, фру Хансен, — сказал он.

видом в ящик и считает вслух до восьми.

— Гм... да, это тоже по всем правилам, — говорит он, потом в глубоком молчании снимает фуражку, почесывает голову, снова надевает фуражку и замечает:

— Весь вопрос в том, не родились ли эти шестеро крольчат на норвежской стороне? Если да, то за них, конечно, платить не следует.

— Гм, — говорит Фредриксен. — Я не могу установить этого просто, не сходя с места.

— Они выглядят совсем новорожденными, — вставляет фру Хансен. — Они наверно родились только несколько минут тому назад.

— Н-да, по этому поводу я не могу высказаться, — отвечает Фредриксен. — Я, конечно, не такой знаток по части новорожденных кроликов, как вы.

Это замечание было не так уже невинно, как кажется, потому что у фру Хансен была десятилетняя дочь с необыкновенно большими ушами, и ее на их улице всегда называли кроликом. Даже сам Хансен слегка покраснел.

Тут фру Хансен зашипела как индюк, схватила одной рукой Эдеварта, другой ткнула мужа в бок и с легкой дрожью в голосе, в котором слышались ярость и уничтожающее презрение, воскликнула:

— Ну, теперь я иду прямо к инспектору. Довольно стоять здесь и ругаться с каким-то хулиганом-таможенником! — И тут она выплыла из комнаты.

— Ну, ладно, — сказал Хансен, небрежно отковырнул и последовал за своей женой.

Дело приняло весьма скверный оборот. Разумеется, фру Хансен пошла к инспектору; но инспектор был старый воробей, он сказал: — „Да, да, но прежде всего следует подать заявление, он посмотрит и все устроит“.

На следующий день он спросил Фредриксена, что этой „свирепой бабе“, собственно говоря, было нужно, и Фредриксен объяснил ему, как обстояло дело по его мнению. „Нельзя же давать запугивать себя этим полицейским“, — сказал он. С этим инспектор вполне согласился.

Между таможен и полицией всегда бывали трения.

— Пошлите обычные бумаги Хансену, чтобы выполнить все установленные формальности, — сказал он.

Под вечер в железнодорожное таможенное отделение ворвался Эдеварт с дубликатом накладной и положил пятьдесят эре на прилавок. — Дайте моих кроликов, — сказал он.

— Ах, вот что, — сказал Фредриксен. — Но тебе придется принести две кроны. Видишь, что сказано в повестке?

Со своей стороны Хансен об-

ратился к полицеймейстеру. А полицеймейстер поддержал его. Он позвонил таможенному инспектору, и тот обещал посмотреть, что можно сделать.

На следующий день полицейский Хансен пожаловал самолично к Фредриксену, швырнул две кроны на прилавок и сказал:

— Вот вам две кроны. Я получу свою крону пятьдесят сдачи, когда вы раскачаетесь и найдете, что это была попытка вымогательства со стороны таможи. Но я желаю получить кроликов чтобы... иметь покой, — хотел он сказать согласно с истиной, но удержался и поправился: — Чтобы показать, что во всяком случае я — благоразумный человек.

— Это благоразумно с вашей стороны, Хансен, — сказал Фредриксен кивая. — Но еще следует по 25 эре в сутки за хранение за двое суток.

— Никогда в жизни! — закричал Хансен, ударил кулаком по прилавку, так что две кроны заляпали, смел их в руку и бросился к дверям, прошипев на прощание:

— Попадись ты мне только, Фредриксен!

Но Фредриксен был не так глуп, чтобы настаивать на своем без поддержки. Он поговорил с инспектором, и инспектор ругался и чесал затылок.

— Придется запросить министерство, — сказал он.

В результате был отправлен подробный запрос, насколько таможня вправе требовать пошлину за 6 крольчат, родившихся по дороге между шведскими и норвежскими таможенными отделениями, и как следует поступать в подобных случаях.

Прошла неделя. Хансен получил извещение, что дело передано в министерство, и тоже подал заявление, которое и переслали туда же. В нем он высказывал предположение, что крольчата родились по эту сторону границы. Первое время Эдеварт по два раза в день носил молоко и капусту своим животным. Но затем перестал по приказанию матери. Фредриксену самому пришлось заняться их кормлением, чему он и вел точный учет

Прошла еще неделя. Из министерства пришло извещение, что следует собрать сведения от обслуживавшей поезд бригады, которая должна высказаться, родились ли вышеупомянутые кролики на норвежской или на шведской территории. Дело было передано железной дороге для дальнейшего расследования.

Прошло еще две недели. Крольчата процветали на прекрасном корму Фредриксена. Фредриксен превратился в образец заботливости по отношению к ним. Но дома у Хансена настроение было бурное. Супруга его постоянно читала своему мужу лекции о кроликах и крольчатах, о бесстыдстве таможенников, об его, Хансена, мягкости и о том, какие оскорбления и сколько несправедливости должна она с Эдевартом терпеть, потому лишь, что ее муж не мужчина и не блюститель законного порядка. Потому настроение Хансена начало подниматься до температуры убийства, когда он видел Фредриксена. Кроме того, эта история стала известной, и дело не обходилось без замечаний в лавке или на улице о чудных кроликах из Швеции.

— Вы, верно, будете скоро в меховой шубе ходить, фру Хансен, — кинула как-то фру Сюверсен.

Короче сказать, запахло гражданской войной в мирном городке.

Прошла неделя. Затем железная дорога вернула дело. Фредриксен и инспектор занялись чтением докладов, — это тоже заняло несколько дней, — и дело было снова отослано в министерство.

В министерстве нашлась светлая голова, заметившая, что ведь ветеринар мог бы определить, были ли крольчата новорожденными или нет при прибытии поезда.

И через три недели дело вернулось с предложением получить заключение эксперта-ветеринара. Вызванный ветеринар заглянул в ящик и сейчас же объявил, что крольчата родились приблизительно с час тому назад.

Всёобщее изумление. Исследование ящика. И совершенно верно: кроме восьми животных, которые все выглядели взрослыми, там сидело еще пять крольчат — семейство получило дальнейшее прибавление.

Когда ветеринару точнее разъяснили, в чем дело, он сначала рассердился. Каким образом он может угадать через два месяца, родились ли эти скоты на час раньше или позже? Но так как он получил гонорар в качестве официального эксперта, то написал изрядное заключение, оканчивавшееся заявлением, что даже если некоторые из основных шести крольчат и родились уже по эту сторону границы, то следует думать, что по крайней мере первые из выводка появились на свет до прохода поезда через границу, — предполагая, что роды происходили с нормальными промежутками между каждым крольчатком. Однако можно предполагать и то, что путешествие по железной дороге, со свойственной ему тряской, могло повлиять на роды и в том смысле, что они произошли скорее, и все крольчата могли быть рождены или по эту или по ту сторону границы.

Все документы с этим новым важным добавлением были отправлены в Осло, где министерские деятели начали замечать, что дело становится серьезным. Один секретарь получил поручение проработать материалы к существующему таможенному тарифу, разнообразным примечаниям, сделанным к тарифу парламент-

ской таможенной комиссией, а также попытаться найти установку по данному вопросу в стенографическом отчете о парламентских прениях по таможенным делам.

Между тем Фредриксену пришлось разделить семейство по нескольким ящикам, которые он и поместил на складе. Счет за капусту и молоко возростал, и постоянной уборщице была обещана прибавка за содержание ящиков в сколько-нибудь чистом виде.

На этот раз прошло три месяца, прежде чем министерство ответило. За это время кроличье семейство трудолюбиво множилося. Первоначальная пара произвела еще два выводка, в 5 и в 7 кроликов. Из первых шести крольчат четыре оказались самками, которые также родили каждая по выводку, а одна, наиболее передовая, даже два. А из выводка № 2, обнаруженного ветеринаром, одна крольчиха также уже выказала свое участие в деле развития семейной жизни в таможенном складе. Число ящиков возросло до 11, в среднем по 5 кроликов в каждом. Фредриксен перешел от записей в тетради к двойной бухгалтерии. Кроме того, он нанял себе в помощь мальчугана для кормления и уборки. В городе цела на капусту начала постепенно расти, и два огорода носились с планами о расширении своих предприятий.

При ревизии было сделано замечание о внезапном увеличении расходов на овощи и т. д. Таможенная контора написала об этом в министерство. Через неделю пришел ответ, что в материалах и в отчетах по таможенному тарифу нет никаких указаний на подобные случаи. Тем не менее энергичному секретарю, занимавшемуся изучением дела, удалось ознакомиться с постановлением подобного рода в таможенном тарифе, действующем между Бразилией и Аргентиной, и в настоящее время разослан запрос посольствам и генеральным консулам различных стран с просьбой высказаться по этому вопросу, чтобы таким образом выяснить общепринятый в международных таможенных правилах образ действий в подобных случаях. Как только будут получены ответы, министерство пришлет свое решение. В отношении же сделанного ревизией замечания следует указать, что таможенные власти отвечают за сохранность двух взрослых кроликов, а равно и за уход за ним и за шестью крольчатами.

Прочитав это, инспектор засмеялся. Когда же затем прочитал это Фредриксен, то стал рвать на себе волосы и изрыгать проклятия, составляющие, благодаря многолетнему употреблению в таможенном мире, его характерную особенность. Он написал министерству, что следует обратить внимание на то, что дело касается теперь уже не восьми кроликов, но, по приблизительному подсчету, ста семидесяти или двухсот, так как установить точное число является затруднительным. «Может быть оно превысит 200, когда министерство получит это письмо», — писал Фредриксен, вдохновляемый не столько пониманием психологии министерства, сколько отчаянием.

Теперь ответ пришел через три дня. Министерство желало узнать — на основании нескольких неясного сообщения Фредриксена — не возрос ли импорт кроликов из Швеции до недопустимых размеров и не следует ли министерству в таком случае высказаться в пользу запрещения такого импорта на некоторый срок?

Получив такой ответ, Фредриксен заплакал. Он пробовал дать исчерпывающее объяснение, но к этому времени количество кроликов возросло в такой степени, что ему пришлось заняться постройкой особых загонов на складе, вместо ящиков.

Когда он наконец собрался отвечать, число кроликов превалило за четыре сотни. «Какого черта с вами делать?» — писал несчастный министерству.

Весь таможенный склад был уже полон кроликами, и Фредриксену едва удалось управлять с ними при помощи двух безработных и первоначального мальчугана. Только подсчет кроликов каждое утро занимал полтора часа. Случилось, что не успеют дойти до последнего загона, как уже в первом загоне появляются новые жители.

Фредриксен поседел — вернее поседели остатки волос, которые он не вырвал с отчаяния. Инспектор начал задумываться. Это уже переходило всякие границы. Полициейстер постоянно делал иронические замечания. Хансен позаимствовал от жены великолепное слово. «Крольчатник» — так назвал он таможию. И это пошло по всему городу.

В отчаянии инспектор телеграфировал: «Число кроликов превалило шестьсот, что делать? Телеграфируйте ответ».

И ответ пришел. Он гласил: «Дело передано профессору Скейе¹ и профессору Брандту² для юридического заключения. Ждите дальнейших распоряжений».

Стали ждать дальнейших распоряжений. Стали ждать истечения законного срока. Прошло еще три месяца. Утренний рапорт Фредриксена был: «1137 штук в 9 час. утра». И тогда пришло толстое

письмо со всеми документами и с резолюцией, гласившей, что при данных обстоятельствах следует выдать упомянутым кроликам адресату, потребовав с него пошлану за двух и расходы по хранению. Однако такое действие не рассматривать как прецедент на будущее время, так как принципиальная сторона вопроса еще не выяснена.

Инспектор написал это Хансену. Счет, согласно проревизованной кассовой книге Фредриксена, составлял 731 крону 48 эре.

Хансен ничего не ответил. Подождали еще несколько дней, в течение которых число кроликов возросло еще на двести сотен. Тогда инспектор позвонил полициейстеру и осведомился о том, где можно увидеть Хансена.

— Хансена? — сказал полициейстер с плохо скрываемым злорадством. — Хансен переведен в Ставангер.

Повестку направили в Ставангер. Хансен отстал сейчас же, что ему все равно: пускать сохраняют кроликов на вечные времена. Но он желает получить компенсацию за протери и убытки, причиненные тем, что его сын не получил кроликов.

Дело пришло угрожающим для таможенного оборота. Положение было доложено министерству с подчеркнутыми тождественными словами: «ответ немедленно».

Министерство ответило, что следует заручиться разрешением Хансена и продать кроликов с аукциона. После двух обращений (последнее по телеграфу) Хансен ответил, что, мол, могут продавать хоть всех таможенных идиотов в полном составе. А он не купит.

Таким образом был назначен аукцион. На основании опыта Фредриксен указал в объявлении число кроликов равным приблизительно 2400. «Ко времени аукциона их будет по меньшей мере столько», — говорил он.

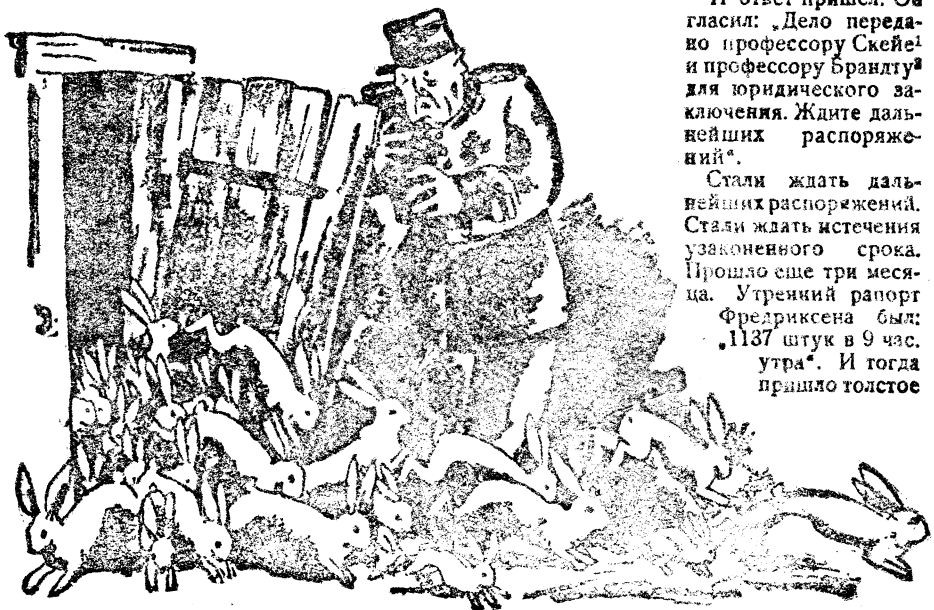
Но дня за два до аукциона произошло несчастье. Когда Фредриксен утром стал открывать товарный склад, или зверинец, как он называл в обыденной речи, весь табун кроликов вырвался в двери. Кролики прогрызли сквозь тонкие стенки загонов, а так как никто из них, кроме двух самых старых, никогда раньше не видел дневного света, то они обезумели от ужаса и почти позабытого инстинкта свободы. Как бурный поток наводнили они огород, напугав до полусмерти псов и старух, и взяли курс на Фредриксена.

В этом-то и заключается истинная причина того, что количество диких кроликов возросло в южных Смоленах³ так сильно и внезапно.

— Последнее, что мы слышали о кроликах, — заключил Фредриксен, — было прибытие года через полтора документов, килограммов на пять. Это была сводка мнений различных государств по вопросу о подлежащих пошлине животных, родившихся между пограничными таможенными. Только у Бразилии и Аргентины есть подобное постановление в отношении рогатого скота.

И в этом случае, заканчивалась резолюция, постановление требует, чтобы пошлина взималась по числу голов скота, указанному на месте отправления.

Следует считать, что таким же образом нужно поступать и в других государствах, где подобный вопрос может возникнуть. В виду сего Хансену надлежит уплатить пошлины крон 0,50, каковую сумму и предлагаем вам потребовать». Перевод И. Дьконова

Весь табун кроликов вырвался из загон.

¹ Известный Норвежский правовед.

² Известный норвежский врач.

³ провинция, в которой лежит город Фредриксхалд.

ФАШИСТ САРАФИ

Г. Пийет

Рис. Д. Петрачкова

Сарафи — обыкновенный рабочий на Капри. Он берется за любую работу. Кратковременная работа, которую он находит, обеспечивает его хлебом только на короткий срок. Его жене приходится здорово шевелить мозгами, потому что четверо детей съедают много, даже если она сама ограничивается стрыми тряпками. А проживание в рабочем квартале, в глиняном домике, заштопанном и заплатанном, как одежда его детей, свидетельствует, что Сарафи не благословлен богатством и должен ежедневно в поте лица своего зарабатывать на жизнь.

В повседневных заботах не приходится вспоминать о высших идеалах и целях. О нет, цели Сарафи так мелки, что даже не стоит о них распространяться. Знаменательно только то, что с самых ранних лет он тяжело работал, а теперь ему тоже приходится работать, даже еще тяжелее.

Сарафи, бывший раньше социалистом, после переворота, движимый чувством доверия к своему партийному товарищу Муссолини, перешел к фашистам. Эта стихийная вера увлекла многих колебавшихся пролетариев в лагерь фашизма. Фашист Сарафи гордился своей простой черной рубашкой. Почти три года он носил ее, но трудиться ему приходилось при этом не меньше.

Его жена тоже работала.

И то, что после многих лет обещаний благоденствия и справедливости, в конце концов возникает вопрос о пределах этой системы, вполне понятно. Ибо в Италии есть много тысяч обманутых Сарафи, с гордостью носящих свои черные рубашки.

В Риме, во Флоренции, в Милане, на Капри, всюду, где Сарафи в черных рубашках напрасно вопрошали об обещанной справедливости, собирались в массы и с пением, под фашистскими флагами,

тянулись по городу с написанными на щитах требованиями.

На Капри тоже состоялась такая демонстрация. Однако, когда начальство запретило демонстрации и Муссолини объявил, что он сам урегулирует эти вопросы, все порешили ждать.

Долго ждали. Очевидно Муссолини забыл.

Сарафи остался без работы, и его жене пришлось работать вдвое больше. Но он не один, много Сарафи остались без работы и очень многие из них носят черные рубашки.

А в это время Муссолини произносил громкие речи, воинственно бряцал саблей и болтал о фашистской культуре. Его наполеоновские жесты производили большое впечатление на другие, такие же культурные, как Италия, страны Европы.

То, что из-за маневров и морских демонстраций, въездов и парадов очень легко забыть народ, само собой разумеется, совсем по-европейски и вполне в порядке вещей. В конце концов можно только одного опасаться. Народ может сам задуматься о своей судьбе. Социальный вопрос был оставлен на разрешение самому народу. В лучшем случае в это дело могли вмешаться фашистские профсоюзы. Но и от них исходило только зловоление.

Сарафи искали свои права в профсоюзах, пока им не стало ясно, что для них вообще не существует никаких прав. Но словами этого нельзя было выразить. Однако до бурных сцен в профсоюзах все-таки дошло. Обманутые Сарафи требовали выполнения обещаний 1922 года. Но об этом совсем не думали. Их обнадежили, как повсюду в Европе.

В это время на Капри тоже состоялась демонстрация безработных. Несмотря на тайну в подготовке ее, шпионы Муссо-

лини знали о ней раньше многих участников, и полиция и карабинеры ждали ее под прикрытием.

Сарафи уже несколько дней ходил озабоченный, мрачно поглядывая на свою черную рубашку, не снимая ее однако. Он бродил по улице, раздумывая о своей жизни пролетария. Сарафи вспомнил о том времени, когда он был социалистом и революционером. В течение нескольких дней все было разрушено, руководящие товарищи расстреляны или заточены в тюрьму. Часть удрала за границу. Сарафи испытывал теперь такое ощущение, как тогда, когда он узнал об убийстве Матеотти. Вспомнив о Матеотти, он задрожал, но черная рубашка тянула его к Муссолини.

Некоторые его старые товарищи теперь тоже были в черных рубашках. Сарафи очень хотелось бы знать, вспоминают ли они еще о том времени, когда они были в социалистической партии с Матеотти. Он очень хотел бы знать, но боялся спросить. Каждое воспоминание о прошлом казалось ему государственной изменой.

После обеда, в два часа состоялась демонстрация.

Полиция ждала...

Без знамен, некоторые не валили даже черных рубашек, тянулись возбужденные безработные через Капри к зданию префектуры. Громкие крики: „Хлеба! Работы!“

Сарафи шел в первых рядах.

Рядом с ним шли старые товарищи, бывшие социалисты. Сарафи всматривался в их глаза и видел искрящуюся в них былую ненависть.

Это еще более потянуло его назад в прошлое, и его шаги стали тверже увереннее.

Крики росли.

Улица кишела шпиками.

„Хлеба! Работы!“ — неслось к зданию префектуры.

По ту сторону площади сидела в засаде полиция. Когда авангард демонстрации приблизился, загремели выстрелы; один возглас разорвался: — „Хле...“

Масса, испустив бешеный крик, подалась назад; второй залп обратил ее в бегство.

Шпионская армия заработала. Со всех сторон появились агенты фашистского государства, стреляя из револьверов и хватая бегущих.

Сарафи схватили и отвели в суд. С ним еще десяток или больше. Объявление говорило о государственной измене, приговор — один год тюрьмы.

Через несколько дней в Риме состоялся митинг чернорубашечников. Муссолини вышел к толпе и открыл праздник наступающего нового года его правления.

Он с воодушевлением говорил слушающим его пятидесяти тысячам чернорубашечников:

— Шестой год начался. Какой удар для тех, которые предсказывали неодолимость нашего правления! Перед нами — целое столетие. Наши разбитые враги едва заслуживают наше сожаление и только глубокое презрение.

Перевод с немецкого М. Глейзер

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Г. Венус

Рис. В. Муретова

Место действия — Венгрия. Год — 1919

На улице стояла группа мальчиков. Глубже к площади, обнесенной деревянным забором, улица была пуста.

Мальчики стояли у ворот крайнего дома, готовые каждую минуту вновь забежать во двор.

— Ты тоже слышал?.. Отец говорит, они вошли, не стреляя...

— Я и не слышал никаких выстрелов, — ответил мальчуган в рваной рубашке, покрытой угольной пылью. — Говорят, они обожгли завод Дюшдьер-Вошдьер и к нам на шахты тоже не сулили носа... Я слышал только барабанный бой... А потом сестра заткнула меня в дом и закрыла все окна...

— Сестра твоя плакала?

— Нет.

— Моя мать тоже закрыла все окна.

— Сестра ругалась... Ты знаешь, она ведь умеет ругаться... Потом пришел Метцель...

— Старик?

— Нет... Иосеф...

— Смотрите, вот он идет, — сказал вдруг один из мальчиков, и все обернулось к площади.

Иосеф Метцель, токарь с угольной шахты, шел через улицу к дому слесаря Левницкого. Но, не дойдя до дверей, он круто свернул направо и скрылся в одном из глухих переулков.

— Пошел к Фацко, — сказал один из мальчиков, маленький, вихрастый как птица, с широко раскрытыми от испуга глазами. — Отец говорит, что из-за них из-за двух чехи нас всех перевешают...

Чехи стояли в городе Мишкольце. Они вошли в город два дня тому назад, но сюда, в рабочий поселок, еще не вышли ни одного отряда.

— Фацко, — сказал Иосеф Метцель, войдя в дом и плотно закрыв за собой дверь, — румыны стояли на Тиссе. Чехи смелее, но занять завод Дюшдьер-Вошдьер и наши шахты они не посмели. На это у них все ж не хватило смелости. На заводе и шахтах еще сохранилась живая сила. Наша Красная гвардия в ней нуждается, ей нужны бойцы. Революция ждет нашей помощи... Что ты скажешь на это, товарищ Фацко?..

За окном молча шли шахтеры. Мальчики, стоявшие возле крайнего дома, вышли на середину улицы, потом вновь вернувшись к забору и тоже побежали по направлению к площади. Только один из них, вихрастый как птица, тот, что сказал: «чехи нас всех перевешают», остался стоять у забора.

Вечернее солнце трогало крыши.

— Звучит в лесу, товарищ Фацко, — сказал Иосеф Метцель, вновь выйдя на улицу.

— Ночью... — крикнул Фацко.

Солнце медленно село за крыши. Влаги, за дорогой в Мишкольце, раздались два одиноких выстрела.

— Иди, — сказал Иосеф Метцель. — Известно товарищам... Ровно в двенадцать...

Глава, на минуту прерывающая 1919 год

Я стоял в редакции газеты «Свирьстрой», и Владимир Заводчиков, ленинградский поэт, на долгие месяцы связав-

Винтовка? — спросил он. — Сколько у нас винтовок?

ший свою жизнь с жизнью строителей Свирьской ГЭС, отбирал мне последние номера газеты.

— № 65, — сказал Владимир Заводчиков. — Вот возьмите... Здесь вы найдете эту заметку...

Вот она, эта сухая информационная заметка, ради которой я прервал свой рассказ о событиях в Венгрии. Она объяснит читателю, какое отношение имеет к Свирьстрою венгерский коммунист Иосеф Метцель, ставший в 1919 году в Венгрии во главе шахтеров и революционных рабочих металлургического завода Дюшдьер-Вошдьер.

Первый пленум парткома

Первый пленум партийного комитета нового состава избрал ответственным секретарем парткома т. Израилитива. Бюро избрано в составе тт. Израилитива, Метцеля, Алексеева, Дубровского, Баскакова, Гальперин, Гришечкина.

Пленум утвердил: тов. Метцеля — зав. орг.-инструкторским сектором; тов. Баскакова — зав. агитмассовым сектором; тов. Елкина — зав. сектором культуры и пропаганды.

Пятьсот пятьдесят

В лесу было темно.

Посты были выставлены во все стороны.

Иосеф Метцель обошел посты и вышел на лужайку.

Луна цеплялась за ветки деревьев, еще не покрытые листьями, тшестно пытаясь выплыть к черным высоким тучам. Тучи над лесом густо шли к городу Мишкольцу, и, взглянув на темное небо, Иосеф Метцель подумал, что идти нужно

будет наперерез движению туч, — там, под Будапештом, стояли главные силы венгерской Красной гвардии...

«Но пойдут ли товарищи? И сколько с нами выйдет? — подумал Иосеф Метцель. — Должны пойти... Выйдут... Не я зову, зовет революция...»

Он шел сейчас по тропе. Тропа была мягкая от прошлогодних, еще не успевших истлеть листьев. Кривые стволы вели ее вдоль берега быстрого ручейка. По другую сторону тропинки черной стеной поднимался голый кустарник.

«Только б не переменялся ветер... — думал Иосеф Метцель, свернув с тропы и раздвигая кустарники руками. — Компаса у нас нет... Итти по главным дорогам опасно... Проклятые чехи... Наемники!..»

— Стой!

В темноте над кустами сверкнул плоский штык.

— Стой!.. Кто идет? — вновь крикнул кто-то и, узнав Метцеля, опустил винтовку.

Иосеф Метцель разжал пальцы. Ветки кустов хлестнули его по лицу.

— Винтовка!.. — спросил он, подходя к молодому рабочему, стоящему на посту в чаще кустарника. — Сколько у нас винтовок?

— Две.

— Ружей?

— Четыре... — смеясь, ответил молодой рабочий. — Не много... И один браунинг у товарища Фацко... Не много, товарищ Метцель...

— Положи, будет и больше... Где товарищ Фацко?

— Иди-ка, Метцель, тебя ждут. Товарищ Левницкий уже взял слово и, как всегда, плетет окошечку. Товарищ Фацко ждет твоей поддержки и помощи.

Шахтеры и рабочие в лесу собралось около семисот, — больше, чем ожидал Метцель. Черные, они вплотную стояли друг возле друга; над ними высились черные стволы. Луна сквозь голые ветки все так же тшестно пыталась выплыть к тучам. Тучи бежали к городу Мишкольцу.

— Товарищи! — говорил, поднимавшись на камень, социал-демократ Левницкий. — Товарищи, в Мишкольце спокойно и тихо, не надо обострять отношений с чешским командованием... Товарищи, я знаю, это очень трудно, нужна выдержка, нужна дисциплина, — я призываю вас к дисциплине и выдержке... Товарищи...

Левницкий вытянул руку. Он искал кого-то в толпе стоящих перед ним рабочих, хотел указать на кого-то, но никого в темноте не нашел и вновь опустил руку. Ветер поднял воротник его пиджака.

— Товарищи, — продолжал он, — я тоже рабочий, я слесарь, вы все меня знаете...

— Но наших коммунистов мы тоже знаем, — крикнул другой голос.

— Товарищи!

Левницкий вновь вытянул руку.

Толпа загудела.

— Куда зовут вас безответственные коммунисты? Навстречу каким новым репрессиям толкают они и нас и наши семьи, — продолжал Левницкий, — закрыв глаза, раздувая пламя, бессмысленно подражая безумству русских рабочих!..

— Фацко, довольно, я выступаю. Ты должен меня поддержать... — сказал Иосеф Метцель и стал пробираться к камню.

Луна прорвалась сквозь четыре ветки, выплыла к тучам и озарила высокую липу вправо от камня. Липа шумела. Ветки ее не были голые, — они были покрыты почками. Иосеф Метцель улыбнулся. Он

хотел говорить о ветре, который буйно прорвался в Венгрию, он хотел говорить о весне революции, но ничего не сказал ни о весне, ни о ветре.

— Товарищи! — сказал он спокойно и просто. — Товарищи, от чешских генералов нам ждать нечего, разве виселиц. Пример — шахта Шасентетер. Вчера на шахте Шасентетер за принадлежность к социал-демократической и коммунистической партии повешены три наших товарища. Это — начало. Через неделю повесят тридцать. Еще через две — триста. Товарищи, грозя петлей и расстрелами, нас заставляют работать на нужды войны и чешской армии, нас заставляют быть союзниками чешских генералов, палачей наших же братьев — венгерских рабочих. Кто из нас согласится?.. Мое предложение — уйти. Уйти немедленно. Сейчас. Ночью. Завтра утром будет уже поздно. Мы должны уйти, чтоб не работать заодно с чехами против наших товарищей, чтоб влиться в нашу венгерскую Красную гвардию. Товарищи, голодовать не будем. Кто с нами — становитесь направо... И прощайте, товарищи, — мы идем исполнить свой долг перед революцией...

Иосеф Метцель сошел с камня.

Толпа перед ним стояла молча.

Потом толпа подалась направо.

Направо молча стало пятьсот пятьдесят.

Налево — сто тридцать.

— Прощайте, товарищи!..

В эту ночь, не заходя в поселок, пятьсот пятьдесят при двух винтовках, четырех ружьях и одном браунинге пошли через лес, через занятую чехами местность, чтоб стать в ряды венгерской Красной гвардии, исполнить свой долг перед революцией.

Единый ритм

— А Фапко ушел вместе с вами?

— Да, ушел с нами... — помолчав, сказал Иосеф Метцель. — В те дни, в первые дни революционного подъема он был еще с вами... После, когда смолкли наши барабаны, разбитые прикладами румынских и чешских солдат, многие от нас отошли, и товарищ Фапко тоже ушел от нас, он стал предателем... Он не понял новых задач, не понял, что революция не разбита, он не учел той скрытой силы нашего класса, которая теперь вновь бросила нас в наступление за социализм...

Мы идем по дороге, спускающейся от рабочего городка.

Белая ночь за стволами застывших сосен мутными потоками стекает по следам окон домов.

Над входом в большой бревенчатый дом широко натянута неподвижная полоса коленкора. На ней — неподвижные буквы:

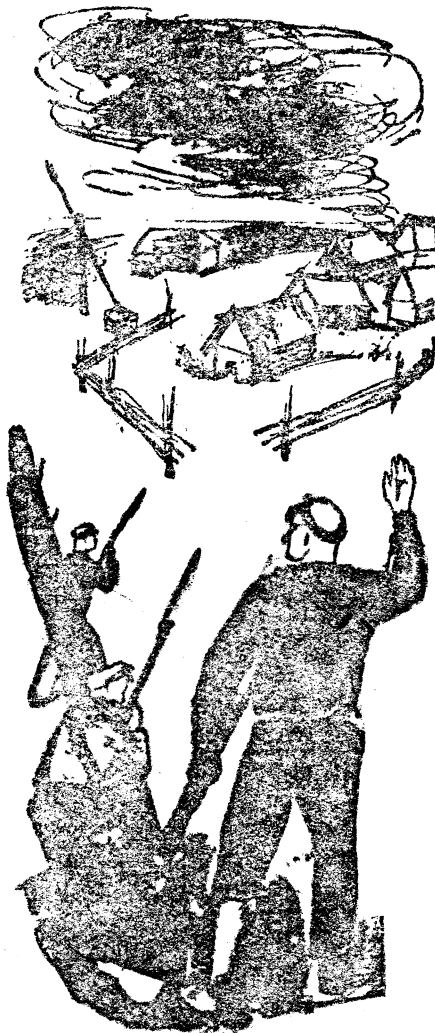
РАБОЧИЙ ТЕАТР

Рабочий театр пуст.

Окна его закрыты.

Высоко на сосне перед ним гудит громкоговоритель.

Мы подходим ближе, и я узнаю боевые звуки Буденновского марша.

Наступаем, товарищ командир!

Знакомые звуки марша легко и ритмично летят в лес, в белую ночь, в прозрачный туман между соснами...

Мы молча остаемся в тени под громкоговорителем, потом так же молча проходим мимо, и музыка в лесу отступает. И чем дальше она отступает, тем ближе и ближе надвигаются на нас еще приглушенные звуки с далекого котлована... там, в котловане, стучат и гудят экскаваторы. На минуту звуки Буденновского марша за нашими спинами и далекий гул с котлована звучат одной силой, потом гул с котлована побеждает: он наступает на нас мощно и радостно.

Иосеф Метцель молчит. Вероятно он думает о том же, о чем думаю и я: о едином ритме революции.

Притоки с севера

Он стоял на левом фланге, маленький, бородатый. Винтовку он держал у ноги; его рука, лежащая на винтовке, была забинтована...

Это — глава о русском военнопленном, имя которого всеми давно забыто. Этой короткой главой я оборву мои рас-

сказы о встречах с Иосефом Метцелем, пришедшим к нам на помощь в великие дни борьбы за социалистическое будущее.

Итак, он стоял на левом фланге, маленький, бородатый, смотрел на крылья далекой ветряной мельницы и почему-то улыбался.

Когда взвод рассыпался в цепь, он замешкался, вероятно не сразу поняв команду; потом неловко вскинул винтовку и тоже побежал по сжатому полю.

Он лег за межей. Трава нескошенной межи спрятала его от глаз Метцеля, и только его тяжелые, грязные сапоги остались торчать на виду, — неподвижно, точно брошенные при отступлении.

Утром над крышами деревни Ватто вился дымок. Об этом командиру взвода донесли разведчики. Взводом командовал бывший офицер, боевой офицер, имевший награды на русском и на итальянском фронтах. Он командовал взводом очень недолго: с утра до полудня. В полдень он скрылся, позабыв в халупе устал полевой службы, плоскую коробку с сигаретами, сахар и чайную ложку. Взвод в наступление повел красногвардеец из бывших рядовых, Иосеф Метцель, токарь.

Над деревней Ватто летал аэроплан. Когда аэроплан скрылся за тучами, Иосеф Метцель поднял цепь.

— Наступаем, товарищ? — спросил его кто-то.

— Вперед! — сказал Метцель.

В деревне Ватто было тихо. Казалось, чехи давно уж оставили деревню. И только далеко за холмами, зажав бой, гудела артиллерия.

Русский военнопленный, маленький, бородатый, шел на левом фланге цепи.

Межа, вдоль которой он шел, была бесконечно длинная.

Русский военнопленный, идя в бой, не думал о России, — он вспомнил межу, другую, знакомую межу, за которой начинались угодья помещика. Русский помещик и седой усач, помещик здесь в Венгрии, у которого два с половиной года работал военнопленный, с каждым годом все богатели и богатели, а он, работая у них батраком, из года в год все туже стягивал пояс...

— Наступаем, товарищ командир... — выйдя на холм, обернулся он к Иосефу Метцелю.

Межа оборвалась.

В деревне Ватто гремели колеса двуколок.

— Разобьем, товарищ командир, а?.. Охота разбить, товарищ командир... Экие гады!..

— Разобьем, дорогой товарищ, разобьем... Еще заживем с тобой настоящей жизнью... — ответил Иосеф Метцель и взглянул с любовью на своего боевого товарища, принесшего откуда-то с далекого и незнакомого севера ту же, как у него, ненависть и ту же волю к победе. Вспизгнули первые пули. Бой завязался...

Бой еще не окончен.

— Мы деремся сейчас за темпы... — сказал Иосеф Метцель и модал мне руку.

Адрес редакции: Ленинград, пр. 25 Октября, 28, «Дом книги», Издательство «Молодая гвардия». Тел. № 182-44, коммутатор. Прием — с 1 до 3 ч., кроме 6, 12, 18, 24 и 30 чисел.

Рукописи, посылаемые в редакцию, должны быть напечатаны на машинке или четко переписаны чернилами, снабжены подробным адресом и подписью автора. Непринятые рукописи меньше одного печатного листа не возвращаются. В случае надобности рукописи подлежат исправлению и сокращению.

Перепечатка из «Вокруг света» без указания источника воспрещается.

Издатель — Изд. «Молодая гвардия» Отв. редактор А. Поневежский Техред. В. Бомаш Зав. редакцией И. Бражнин

П. 50. Огиз № 1419/л. Ст. ф. 62х94. Тип. зн. в 1 л. 87840. Сдано в производство 20/хл. Подписано к печати 19/хл.

Ленинградский Областной № 21642. Тираж 125 250. Печ. л. 3. Заказ № 1299. 11-я тип. ОГИЗ РСФСР «Молодая гвардия». Ленинград, В. О., 5-я линия, 28

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТ.-ЮНОШ. ЛИТЕРАТУРЫ**

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

**I. МНОГОМИЛЛИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ — ЛЕНИНСКОЕ РУКОВОДСТВО
ЗА МНОГОМИЛЛИОННЫЙ КОМСОМОЛ**

Серия „Проверка исполнения“
Стр. 90 Ц. 22 коп.

**КОСАРЕВ А.
БОЛЬШЕВИСТСКОМУ ПОКОЛЕНИЮ —
ЛЕНИНСКОЕ РУКОВОДСТВО**

Стр. 38 Ц. 10 коп.

**КОСАРЕВ А.
МНОГОМИЛЛИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ
В БОЛЬШЕВИСТСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ**

Стр. 36 Ц. 13 коп.

**НИКОЛЬСКИЙ Л.
КРЕПИТЕ ЗВЕНЬЯ**

Стр. 77 Ц. 25 коп.

**ПАЙКИН А. и МЕСЯЦЕВ Ю.
ВООРУЖАЕМСЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ТЕОРИЕЙ**

Стр. 27 Ц. 12 коп.

**РЕЗОЛЮЦИИ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ
II пленум ЦК ВЛКСМ**

Стр. 15 Ц. 6 коп.

РУКОВОДИТЬ КОНКРЕТНО

Серия „Проверка исполнения“

Стр. 45 Ц. 15 коп.

**ШУРЫГИН и ПАРИЗКЕР
ЗАКРЕПИТЬ РОСТ**

Серия „За многомиллионный комсомол“
Стр. 62 Ц. 20 коп.

II. КРАСНОЗНАМЕННЫЙ — НА ПРОИЗВОДСТВЕННОМ ФРОНТЕ

**ХОЗРАСЧЕТ И ЗАДАЧИ КОМСОМОЛА
ГОЛЬДИН Л., МИШКЕВИЧ Г. и СИВОЛОБОВ М.**

Стр. 126 Ц. 25 коп.

**ГРИГОРЬЕВ Г.
ИДЕИ, РОЖДЕННЫЕ У СТАНКОВ**

Стр. 62 Ц. 20 коп.

**ГРИНБЕРГ М.
БРИГАДА ТРИНАДЦАТИ**

Стр. 63 Ц. 18 коп.

**КАЗОВСКИЙ Б. и ЛАДЫГИН Н.
МЕХАНИКА ПОБЕД**

Стр. 79 Ц. 25 коп.

**КОНТОРОВИЧ Л., ОЛЬХИН К., ВАЙНШТЕЙН А. и др.
РЕАЛИЗОВАТЬ ШЕСТЬ УСЛОВИЙ
ТОВ. СТАЛИНА**

Стр. 53 Ц. 15 коп.

**КАПУСТИН А.
СМЕННО-ВСТРЕЧНЫЙ**

Стр. 22 Ц. 10 коп.

**КАРЦМАН М.
5 в 2^{1/2}. КОМСОМОЛ ЭЛЕКТРОЗАВОДА
В БОРЬБЕ ЗА ПЯТИЛЕТКУ**

Стр. 68 Ц. 25 коп.

**ЛЕМ А. и РОЗИНОВ Л.
АТАКА НА БЕЛЫЕ КРЕСТЫ**

Стр. 85 Ц. 25 коп.

**ЛИПШИЦ С.
СТАНД РЕГИСТРИРУЕТ ПОБЕДЫ**

Стр. 69 Ц. 25 коп.

**ТРУБНИКОВ Н. и ШИЛЕНКО А.
ТЕМПЫ МОЛОДЫХ БОЛЬШЕВИКОВ**

Стр. 59 Ц. 25 коп.

**ФИЛАРЕТОВ К.
ДОЗОРНЫЕ МАРТЕНОВ**

Стр. 63 Ц. 25 коп.

**ШУВАЛОВ К.
МОЛОДЫЕ РАЦИОНАЛИЗАТОРЫ НА
„КРАСНОМ ПУТИЛОВЦЕ“**

Стр. 59 Ц. 20 коп.

III. НА ШТУРМ ТЕХНИКИ

**ВЛАДИМИРСКИЙ А. и ШЕФТЕЛЬ С.
ОВЛАДЕТЬ ТЕХНИКОЙ**

Стр. 48 Ц. 35 коп.

ОВЛАДЕЕМ ПЕРЕДОВОЙ ТЕХНИКОЙ

Стр. 61 Ц. 20 коп.

**ШУВАЛОВ К.
ШТУРМ ТЕХНИКИ**

Стр. 69 Ц. 18 коп.

IV. УКРЕПИМ ТРАНСПОРТ

**МАРКИН А.
РЕКОНСТРУКЦИЯ ТРАНСПОРТА И КОМСОМОЛ**

Стр. 31 Ц. 10 коп.

**МАРКИН А. и ВОЛКОВ Б.
КОМСОМОЛ В БОРЬБЕ ЗА СПАРЕННУЮ**

Стр. 47 Ц. 20 коп.

**ПОЛЯКОВ А.
БОЕВЫЕ ЗАДАЧИ КОМСОМОЛА
НА ТРАНСПОРТЕ**

Стр. 47 Ц. 10 коп.

**V. СТРОИМ ПРОМЫШЛЕННЫЕ
ГИГАНТЫ**

**ВОЛОДАРСКИЙ Б.
КОМСОМОЛ ЛЕНИНГРАДА — УРАЛО-КУЗБАССУ**

Стр. 47 Ц. 15 коп.

**МОРСКОЙ А.
КАКИЕ ЗАВОДЫ МЫ СТРОИМ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ЭТОМ ГОДУ**

Стр. 50 Ц. 20 коп.

**ЕССЯК П.
В БОЯХ ЗА УРАЛО-КУЗБАСС**

Стр. 61 Ц. 22 коп.

**НА ШТУРМ НОВОСТРОЕК
ПРОМЫШЛЕННЫЕ ГИГАНТЫ И КОМСОМОЛ**

Стр. 47 Ц. 16 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТ.-ЮНОШ. ЛИТЕРАТУРЫ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

VI. УЛУЧШИТЬ КУЛЬТУРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ РАБОЧИХ

АБРАМЕНКО А.
НА ЛЕСАХ ПОДСОБНОГО ЦЕХА
ИНДУСТРИИ

Стр. 29 Ц. 10 коп.
АФОНИН М., ВИНОГРАДОВ С. и ИГНАТИУС В.
ВОЙДИТЕ В ДОМ

Стр. 95 Ц. 30 коп.
БЕРНШТЕЙН Л.
НА НОВОМ ЭТАПЕ

Стр. 126 Ц. 35 коп.
ГЕРШМАН А.
В БОРЬБЕ ЗА СПЛОШНУЮ ГРАМОТНОСТЬ

Стр. 69 Ц. 25 коп.
ШАТКИН Л.
В БОРЬБЕ ЗА РАБОЧЕЕ СНАБЖЕНИЕ

Стр. 15 Ц. 10 коп.
ПИЛЬМАН Г.
КУЛЬТРАБОТУ КОМСОМОЛА НА СЛУЖБУ
ПРОМФИНАПЛАНА

Стр. 78 Ц. 25 коп.
РОМИН В. и РОЗИНОВ Л.
ЭТАЖИ ЗОВУТ

Стр. 107 Ц. 85 коп.
СЕВЕРНЫЙ В.
В БОЯХ ЗА ОБРАЗЦОВЫЙ ЦЕХ ПИТАНИЯ

Стр. 47 Ц. 20 коп.

VII. КРЕПИ ОБОРОНУ

АЛЕСИНС Я.
КРЕПИТЕ ШЕФСТВО НАД ВОЗДУШНЫМ
ФЛОТОМ

Стр. 64 Ц. 18 коп.

ГАЛЬЯНОВ и ЯНОВ
НОВЫЕ ЗАДАЧИ ШЕФСТВА НАД ФЛОТОМ

Стр. 63 Ц. 13 коп.

ДНЕПРОВСКИЙ М.
НЕ ЖДИ ТРЕВОГИ

Стр. 47 Ц. 15 коп.

VIII. ЛУЧШЕ ГОТОВИТЬ СЕБЕ СМЕНУ

ДИТРИХ Г.
ВОЕНИЗАЦИЯ В ПИОНЕРОТЯДЕ И ШКОЛЕ

Стр. 99 Ц. 55 коп.

РАЗИН Я.
ЗА КАЧЕСТВО

Стр. 124 Ц. 45 коп.

ФЕДОСЕЕВ В.
СБОР — БОЕВАЯ ЗАРЯДКА

Стр. 62 Ц. 20 коп.

ХАНЧИН В.
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПИОНЕР-
ОТЯДЕ

Стр. 157 Ц. 35 коп.

Покупайте книги во всех отделениях, магазинах и киосках книгоцентра

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

ГОВОРИТ СССР

Массовый иллюстрированный радиожурнал
Орган Всесоюзного комитета по радиовещанию

Выходит три раза в месяц, под редакцией тов. ФЕЛИ СА КОНА
„ГОВОРИТ СССР“ ставит своей задачей борьбу за
большевистскую перестройку радиовещания, за реализа-
цию сделанных тов. Сталиным указаний „о новых зада-
чах“ применительно к радиовещанию.

ЖУРНАЛ ОСВЕЩАЕТ: основные вопросы текущей
политики и практики радиовещания и радиофикации, опыт
заграничного вещания, вопросы радиофикации и радио-
техники у нас и за границей.

В журнале будут подробные программы всех совет-
ских и заграничных радиовещательных станций.

Журнал „ГОВОРИТ СССР“ будет богат иллюстри-
рован. Журнал печатается по способу меццо-тинто.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на год—6 р., на 6 мес.—3 р. 20 к., на 3 мес.—1 р. 70 к.
Цена отдельного номера—20 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех почтовых отделениях СССР
Издательства НКПТ, Москва, 9, Таверная, 17

**ПОРТРЕТ, ХУДОЖЕСТВЕННО
УВЕЛИЧЕННЫЙ**
высылаю с любой фотокартки разм. 32x48
с увеличенной и пересылкой при получении 16 р.
При желании ПОКРЫТЬ ЛАНОМ ДОРОЖЕ на 2 р.
Картончик возвращается
Москва, 47, Б. Грузинская, 75. Худ. фот.
Л. В. САМОЙЛОВИЧ.

**РЕКЛАМНАЯ КОНТОРА
ЛЕНОКНИГОЦЕНТРА
ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ**
во все издания ОГИЗА
Ленинград, внутри Гост. Двора, 52-54.

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ
и ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ

богато иллюстрирован-
ное издание

Вопросы ПОЛА

ПОЛОВОГО
ВОСПИТАНИЯ
БРАНА И СЕМЬИ

АЛЬБОМ В ТРЕХ ЧАСТЯХ
(более 1.300 рисунков на 125
цветных и черных таблицах,
размером 36x52 см., каждая,
в одной папке).

Под редакцией профессоров
В. И. ТАДЛЕВА, Н. И. БОРДАНСКОГО и
С. И. ВОЛЬФСОНА.

Часть I. РАЗМНОЖЕНИЕ В МИРЕ РАСТЕ-
НИЙ И ЖИВОТНЫХ В ОБЩЕ-
БИОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ.
(56 таблиц).

Часть II. БИОСОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА
ПОЛОВОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА.
(30 таблиц).

Часть III. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЫТА
ЖЕНЩИНЫ, БРАНА И СЕМЬИ.
(30 таблиц).

И АЛЬБОМУ ПРИЛАГАЕТСЯ
семь книг (1116 стр., текст).

Цена альбома в заказе со всеми прилагае-
мыми 38 рублей. Пересылка за счет заказ-
чика. Высылается только по получении
задатка не менее 10 рублей или всей суммы
(38 рублей) полностью.

Заказ и деньги направлять по адресу:
Москва, 9, Михови ул., д. № 26, книжный
магазин Просвещения. с-ва „ПРОМЕТЕИ“.

БОРЬБА
МИРОВ

ВЫШЕЛ № 9

ТРЕБУЙТЕ
У ВСЕХ
ГАЗЕТЧИКОВ